

# ПОСЛЕ ТОЧНОГО ОТВЕТА

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

Денис Пожидаев

**После точного ответа**

«Автор»

2026

**Пожидаев Д.**

После точного ответа / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Что останется от выбора, если сомнение можно измерить, память — отделить от влияния, горе — распределить, а поступок — предсказать? «После точного ответа» — сборник из 13 самостоятельных научно-фантастических рассказов о людях, получивших невозможную точность там, где раньше была только человеческая неопределённость. Технологии здесь работают правильно. Но ни один точный ответ не решает главного: что делать человеку, когда знать уже недостаточно? Тринадцать историй — тринадцать разных ответов.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Содержание                        | 6  |
| 1. Правильная жизнь               | 7  |
| 2. Главная ложь                   | 26 |
| 3. День без свидетелей            | 45 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 56 |

# Денис Пожидаев

## После точного ответа

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

**ПОСЛЕ ТОЧНОГО ОТВЕТА**

*Сборник философской научной фантастики*

*В каждом из тринадцати рассказов этой книги человек получает то, о чём человечество мечтало веками: точную меру собственной надёжности, счастья, вины, любви, горя, происхождения своего характера. Машины здесь почти никогда не ошибаются. Но выясняется, что точный ответ — не конец нравственной задачи, а её начало: система может измерить, вычислить и предсказать — и всё равно не решает за человека, что со всем этим делать. Это книга о границах контроля и знания, о цене определённости и о том, что остаётся человеку, когда исчезает последняя неопределённость.*

## Содержание

1. Правильная жизнь
2. Главная ложь
3. День без свидетелей
4. Один человек счастлив
5. Точное определение
6. Последнее прикосновение
7. Приговор
8. Дом моего возраста
9. Общее горе
10. Комната лишнего
11. Выход
12. Вопрос умершего
13. Единственный читатель

## 1. Правильная жизнь

Ирина Веденеева узнала, что живёт правильно, в понедельник в восемь семнадцать утра. Телефон завибрировал на кухонном столе, короткий и деловой, как всё в этой кухне. Она наливала кофе — тем самым движением, каким наливала его тысячу раз: чуть наклонив банку, придерживав крышку мизинцем, чтобы не стукнула. Пар поднялся и лёг на холодное окно.

**ИПС обновлён: 91,2%.**

Ниже появилась зелёная дуга и подпись:

**Высокая поведенческая согласованность.**

Ирина посмотрела на цифру чуть дольше, чем собиралась. Кофе в чашке начал остывать — она любила его слишком горячим и всегда ждала, пока станет можно, и всегда это ожидание было одинаковой длины.

— Девяносто один, — сказала она вслух.

Мужчины у неё не было уже четыре года. Дочь жила отдельно и звонила по воскресеньям. Кошка умерла весной, и в квартире до сих пор оставалось место, где никого не было, — угол у батареи, куда взгляд по привычке падал первым.

Отвечать на цифру было некому.

Она всё равно улыбнулась.

В квартире стояла та особенная утренняя тишина, в которой слышно, как тикает остывающая батарея и гудит холодильник, и в которой каждый предмет знает своё место лучше, чем хозяйка помнит, куда его поставила. Ирина знала: ключи на крючке, зонт у двери, вторая чашка — та, из которой никто не пьёт, — на второй полке слева. Дом угадывал её раньше, чем она успевала подумать. Это никогда её не пугало.

Сегодня подумалось: а ведь угадывает.

Она допила кофе, когда он стал ровно таким, как надо, и пошла одеваться.

\* \* \*

В офисе пахло вчерашним кофе из автомата и разогретой пылью от батарей, которые наконец включили. Лампы под потолком гудели той ровной нотой, которую перестаёшь слышать к десяти утра. Пальто ещё держало на плечах уличный холод, когда цифру заметили.

— Веденееву можно официально канонизировать, — сказал Шубин из метрологии. — Девяносто один и две.

— Канонизируют после девяноста пяти, — ответила Ирина.

— Уже изучила тарифы?

— Это не тарифы.

— Конечно. Это процент хорошего человека.

Шубин показал свой телефон.

67,4.

— Я, значит, на две трети порядочный.

— Ты опаздываешь четыре дня из пяти.

— Вот. Наука не врёт.

Все засмеялись. Ирина тоже — коротко, одними глазами, как смеялась всегда, и подумала мельком, что и этот смех, наверное, где-то посчитан.

Индекс поведенческой согласованности запустили полгода назад. Сначала как эксперимент: человек добровольно передавал системе историю покупок, перемещений, календарь, часть переписки, решения по стандартным сценариям — и соглашался на три месяца наблюдения. Потом модель пыталась прогнозировать следующие значимые выборы.

Сколько раз угадала — столько и получалось.

В официальных материалах именно так и было написано. Сухо, честно, без обещаний.

Но никто не говорил «точность персонального прогноза».

Говорили:

«процент».

«правильность».

«насколько ты нормальный».

У кого было выше восьмидесяти, ставили значок в профиле знакомств. У кого выше девяноста — делали скриншот. После девяноста пяти начинали приглашать в подкасты.

Ирина никому скриншот не отправила.

Только открыла приложение ещё раз в обед, у окна в переговорной, отвернувшись от коридора, будто это было что-то личное. Стекло холодило лоб, за ним лежал серый двор с одной мокрой вороной на проводе, экран телефона был тёплым от кармана.

91,2.

Она знала, почему ей приятно.

Не из-за моды. И не потому, что число было высоким.

Просто всю жизнь ей говорили одно и то же:

на тебя можно положиться.

Ирина приходила вовремя. Если обещала — делала. Если брала работу — закрывала. Если говорила «перезвоню» — перезванивала. В отделе качества это считалось почти профессиональным заболеванием.

Она давно заметила одну вещь, о которой никогда не говорила вслух: на людей, на которых можно положиться, перестают тратить беспокойство. О ней не тревожились. Ей не звонили спросить, всё ли хорошо, — было и так понятно, что хорошо. Надёжность оказалась чем-то вроде хорошей звукоизоляции: удобно, тихо и совершенно не слышно, есть ли за стеной кто живой.

А теперь появилась цифра.

И цифра подтверждала: всё это не только ей кажется.

\* \* \*

Вечером позвонил Евгений.

— Ты дома?

— Где ещё?

— Сложный вопрос.

— Что случилось?

— Я рядом.

— Это сколько?

— Минут двадцать.

Он приехал через пятьдесят три. Ирина открыла дверь и посмотрела на часы — не с упреком, а по привычке, как сверяют показания прибора.

— Ничего не говори, — сказал брат, ещё не переступив порог. От него пахло улицей, холодом и чем-то чужим — не то бензином, не то псиной.

— Я молчу.

— У тебя лицо говорит.

— Лицо имеет право.

Евгений снял куртку и бросил её на стул, где куртке было не место. Ирина не поправила. Он был младше на шесть лет и всю жизнь существовал в режиме, который она про себя называла «несогласованным с физической реальностью».

Евгений мог в девять утра решить, что вечером поедет в Тулу. В обед — купить билет в Нижний. В пять — позвонить и спросить, не поможет ли Ирина забрать чужую собаку из ветклиники. Пять лет назад он работал дизайнером. Потом фотографом. Теперь делал интерфейсы на проектной работе и уверял, что «наконец нашёл нормальный ритм».

Ирина этому не верила. Но замечала, что рядом с ним воздух в квартире как будто менял плотность — становилось шумнее, теплее и немного опаснее.

— Кофе есть?

— Есть.

— Тогда всё хорошо.

Он сел, и стул под ним скрипнул — тот самый стул, который под Ириной не скрипел никогда.

— Сколько у тебя? — спросила она.

— Чего?

— ИПС.

— А.

Он достал телефон, поискал приложение среди других, которых у него было слишком много.

43,8.

Ирина не удержалась.

— Очень честный результат.

— Спасибо.

— Ты вчера обещал приехать к маме.

— Был.

— В половине десятого.

— Но был.

— Она ждала с шести.

Евгений налил себе кофе, не спросив, где чашки, — и взял ту самую, вторую, из которой никто не пил. Ирина открыла рот и не сказала ничего.

— Ты хочешь обсудить маму или мой процент?

— Это примерно один разговор.

— Почему?

Ирина посмотрела на него.

— Потому что система показывает то, что мы и так знали. На тебя нельзя рассчитывать по времени.

— А по чему можно?

Она хотела ответить сразу. И не нашла — не потому, что ответа не было, а потому, что все ответы, которые пришли, были про то, как он однажды среди ночи приехал за триста километров, когда ей было плохо, и просидел до утра, ничего не спрашивая. Такое в календарь не заносится. Такое модель, наверное, считает шумом.

Евгений заметил паузу.

— Вот видишь.

— Не начинай.

Телефон у него зазвонил. Он взглянул на экран.

— Привет... Да. Где?.. Сейчас?

Ирина закатила глаза. Евгений отвернулся к окну, к тёмному стеклу, в котором отражалась вся её ровная кухня.

— Нет, стой. Не плачь. Я приеду.

Он отключился.

— Только не говори, что Тула.

— У Лены отец упал. Она одна с ребёнком, скорая забрала его в больницу.

— И?

— И я поеду посижу с ребёнком.

— А зачем ты тогда приехал?

— Я хотел у тебя забрать дрель.

Ирина посмотрела на него. Он уже надевал куртку — быстро, неаккуратно, попадая рукой не в тот рукав.

— Кофе хороший, — сказал он.

— Дрель.

— Завтра.

— Женья.

Он поцеловал её в щёку. От куртки снова пахнуло холодом.

— Девяносто один процент, а всё равно злишься.

— Это не показатель спокойствия.

— А чего?

— Согласованности.

— С чем?

Ирина почти ответила: «с правильным поведением».

Остановилась. За спиной у неё вторая чашка остывала на столе, наполовину полная, — впервые за долгое время из неё кто-то пил.

— С собой.

Евгений улыбнулся уже в дверях.

— Вот это звучит опасно.

Дверь закрылась. В квартире вернулась прежняя плотность воздуха — та, ровная, в которой каждый предмет знал своё место. Ирина вымыла обе чашки и поставила вторую обратно на вторую полку слева.

\* \* \*

Через три месяца у Ирины было 94,6.

Потом 97,1.

Цифра росла медленно и приятно, как растёт вклад, о котором забываешь и вдруг вспоминаешь с тихим удовольствием.

Ирина не меняла жизнь ради неё. По крайней мере, так ей казалось.

Она всё так же вставала в семь. По вторникам ездила к матери. По четвергам плавала — сорок минут, всегда четвёртая дорожка, всегда та же кабинка, ключ на резинке на запястье. Раз в месяц встречалась с университетскими подругами и всегда первой предлагала расходиться. Каждую пятницу закрывала неделю так, чтобы в понедельник не осталось чужих хвостов.

Просто теперь у всего этого был побочный смысл. Каждое повторённое решение словно подтверждало какую-то внутреннюю геометрию — будто она не просто жила, а раз за разом доказывала теорему о самой себе.

По воскресеньям звонила дочь.

Марина жила в другом городе, снимала квартиру с кем-то, кого Ирина ни разу не видела, меняла работу, планы и голос — то усталый, то счастливый без причины. Ирина никогда не могла угадать, каким будет этот звонок. Она ловила себя на том, что ждёт воскресенья именно поэтому: раз в неделю в её выверенную жизнь входил человек, которого невозможно было просчитать. И это почему-то было не тревожно, а живо.

Однажды она поймала себя на странной мысли. Если бы Марину можно было предсказать на сто процентов — она любила бы её меньше? Мысль была неудобная, и Ирина её отложила. Как откладывала всё, что не имело понятного места.

В девяносто семь её пригласили на короткое интервью для корпоративного канала.

— Почему у вас такой высокий показатель? — спросила девушка с камерой.

— Не знаю.

— Может быть, вы очень дисциплинированный человек?

— Возможно.

— Вы считаете себя правильным человеком?

Ирина рассмеялась.

— Что значит «правильным»?

— Ну... сейчас все так называют индекс.

— Это же не официальное название.

— Но всё-таки.

Ирина посмотрела в камеру. Шубин потом сказал, что в этот момент у неё было лицо директора школы — доброго и не оставляющего надежды.

— Наверное, правильная жизнь — это когда твои поступки не противоречат твоим принципам, — сказала она.

Фраза получилась лучше, чем она ожидала. Аккуратная, закрытая с обеих сторон, как хорошо застеленная кровать.

Видео набрало сорок тысяч просмотров. Через неделю кто-то вырезал этот кусок отдельно.

Под ним писали:

«Вот что такое 97%».

«Нормальная женщина».

«Сейчас бы таких побольше».

Ирина читала комментарии поздно вечером, лёжа в темноте, и чувствовала неловкость — тёплую и стыдную одновременно, как будто хвалили не её, а её фотографию, отретушированную чужой рукой.

Но не настолько, чтобы перестать читать.

\* \* \*

99,9 появилось в четверг.

Ирина сидела в метро. Вагон качало и гудел на длинной ноте, пахло мокрой шерстью, железом и чьими-то духами, чужое плечо тёплой тяжестью прижималось к её плечу, и она не отодвигалась. За тёмным окном бежали кабели и редкие лампы. Она открыла приложение. Закрыла. Через минуту открыла снова.

99,9.

До ста не хватало одной десятой.

Это было глупо, и она это понимала. Статистический показатель. Плавающее окно наблюдений. Следующее обновление могло дать 99,2.

Но весь день цифра стояла где-то рядом. Не в телефоне — в голове, у самого края, как заусенец, который не видно, но нельзя не трогать.

Вечером Евгений написал:

*Завтра мама к врачу. Ты сможешь?*

Ирина ответила:

*Да. В 14:30.*

Он:

*Я тоже подъеду.*

Она набрала:

*Тогда зачем я?*

Стёрла. Посмотрела на стёртое так, будто оно всё равно ушло куда-то и было учтено.

Написала:

*Хорошо.*

В пятницу Евгений опоздал на тридцать минут. Ирина уже сидела с матерью в коридоре поликлиники, на составленных в ряд стульях, под запахом хлорки и чьей-то мокрой одежды.

— Я знал, что вы справитесь, — сказал он.

— Это не оправдание.

— Я не оправдываюсь.

— Тогда что?

— Констатирую твой высокий индекс.

— Жень.

— Всё, молчу.

После врача он предложил отвезти мать домой. Ирина сказала:

— Я сама.

— Ты на работу вернёшься?

— Да.

— Тогда я отвезу.

— У тебя встреча.

— Перенесу.

Ирина посмотрела на него.

— Вот поэтому.

— Что?

— Забудь.

Он всё понял.

— Ты реально теперь смотришь на людей через эту цифру?

— Нет.

— Смотришь.

— На тебя через неё смотреть удобно.

— Вот и ответ.

Он забрал у матери сумку, подставил ей локоть тем естественным движением, которого Ирина за собой не знала, — она всегда помогала правильно, но никогда вот так, не думая.

— До вечера.

Ирина осталась на ступеньках поликлиники. Было по-осеннему сыро, пахло палой листвой и мокрым бетоном. Телефон лежал в кармане, тёплый от её ладони.

Она не проверяла. Целых три минуты — и знала, что три, потому что считала.

Потом достала.

99,9.

— Ну и стой там, — сказала она телефону и сама удивилась, что сказала.

\* \* \*

Сто пришло во вторник.

Без музыки. Без фейерверка. В семь пятьдесят шесть.

Ирина ещё была дома, стояла у окна с первой чашкой, и на улице только начинало сереть.

**100,0%.**

Ниже:

**Результат требует перекрёстной валидации.**

И кнопка:

**Записаться на очную проверку.**

Ирина смотрела на экран. Кофе остывал до нужного, но она не пила.

Странно, но первой мыслью было не «я достигла».

А:

теперь кто-нибудь скажет, что это значит.

Она обвела взглядом кухню. Всё стояло на местах. Угол у батареи был пуст. И впервые эта чистая, выверенная тишина показалась ей не покоем, а чем-то вроде готового ответа, под которым забыли написать вопрос.

\* \* \*

Очная проверка проходила в здании университета на окраине города.

Ирина ожидала лабораторию. Получила кабинет с двумя мониторами, серым столом, засохшим цветком на подоконнике и женщиной лет тридцати пяти по фамилии Кравцова. В кабинете было жарко натоплено, от радиатора тянуло запахом горячей краски, мониторы тихо гудели, и где-то за стеной капал кран — редко, через раз, будто тоже кого-то ждал. У Кравцовой были короткие ногти и та особая усталость в лице, которая бывает у людей, весь день объясняющих одно и то же.

— Сто процентов редко бывают ошибкой, — сказала она, не поднимая глаз от экрана.  
— Но бывают особенности выборки.

— Что именно мы будем проверять?

— То же, что всегда. Насколько модель вас предсказывает.

Ирина улыбнулась.

— Я понимаю официальную формулировку.

Кравцова не ответила. На первом экране появился текст.

### **Ситуация 1.**

Незнакомый коллега просит поменяться сменами. У него нет уважительной причины. Ваши планы нарушатся, но серьёзных последствий не будет.

Варианты ответа.

Ирина выбрала третий:

**согласусь, если он возьмёт мою смену позже.**

Кравцова нажала клавишу. На втором экране открылся прогноз, сохранённый за двадцать минут до начала теста.

Третий вариант. Вероятность: 98,7%.

— Хорошо, — сказала Кравцова так, будто «хорошо» ничего не значило.

Следующая ситуация. Покупка. Конфликт. Обещание. Неожиданная просьба родственника. Деньги. Работа. Чужая ошибка.

Ирина выбирала. Кравцова открывала прогноз.

Совпадение.

Совпадение.

Совпадение.

Это было похоже на то, как чужой человек достаёт из кармана твои вещи одну за другой и кладёт на стол, и все они действительно твои, и ты почему-то чувствуешь себя обворованной.

На восьмой ситуации Ирине стало скучно. На двенадцатой — неприятно. На пятнадцатой она спросила:

— А правильный ответ где?

Кравцова посмотрела на неё.

— В смысле?

— Ну вот в этой ситуации. Сотрудник совершил ошибку, которую можно скрыть без последствий. Я выбрала сообщить.

— Да.

— Это правильный выбор?

— Я не знаю.

Ирина решила, что та шутит.

— Как не знаете?

— Мы не оцениваем содержание решения.

— Но индекс.

— Что индекс?

— Он же должен показывать согласованность.

— Показывает.

— С чем?

Кравцова впервые оторвалась от экрана и посмотрела на неё прямо.

— С вашей моделью поведения.

Ирина молчала.

— Персональная модель строит прогноз, — продолжила Кравцова ровно, как читают инструкцию человеку, который её всё равно не дочитает. — Потом мы сравниваем прогноз с фактическим решением. Индекс — точность. Просто точность.

— Девяносто процентов значит, что вы угадали девять из десяти моих решений?

— В грубом приближении.

— А сто?

— На текущем контрольном окне модель не дала ошибки.

Ирина смотрела на неё.

— А мораль?

— Нигде.

Слово упало на серый стол и осталось лежать.

— Простите?

— У нас нет показателя морали.

— Тогда почему у людей с высоким индексом меньше нарушений? Почему они чаще платят вовремя, реже срывают обязательства?

— Потому что стабильное нормативное поведение обычно хорошо прогнозируется. Человек может быть последовательно неприятным. Это тоже удобно прогнозировать.

— А низкий индекс?

— Значит, модель чаще ошибается. Причины могут быть совершенно разными.

Кравцова развернула к ней второй монитор. На странице проекта, под крупным заголовком, стояло:

**ИПС не является оценкой нравственности, ценности личности или социальной благонадёжности.**

Ирина видела эту фразу. Не один раз. И всякий раз пролистывала — как пролистывают предупреждение на лекарстве, потому что верят не бумажке, а тому, что все вокруг это лекарство пьют.

— Люди называют его процентом правильности.

— Люди много что называют.

— И вы ничего не делаете?

— Мы восемь месяцев объясняем.

— Не очень успешно.

— Согласна.

Ирина почувствовала злость. На Кравцову. На проект. На рекламные статьи. На людей в комментариях. На Шубина. На Евгения.

Последним — почему-то сильнее. И тут же поняла, почему: потому что Евгений, кажется, всё это понимал с самого начала и молчал, пока она три месяца доказывала себе теорему.

— Значит, мой сто процентов означает только, что вы знаете, что я сделаю?

— Нет. Мы не знаем. Мы прогнозируем с очень высокой точностью на ограниченном классе решений.

— Вы придираетесь.

— Это важно.

— Для вас.

Кравцова закрыла тест. На секунду в тёмном мониторе Ирина увидела своё отражение — ровное, собранное, знакомое лицо, которое, оказывается, читалось насквозь.

— Для вас тоже. Если бы мы знали будущее, это был бы другой эксперимент.

\* \* \*

Ирина вышла из здания и пошла не к метро.

Просто в другую сторону. Через сто метров поняла, что идёт туда специально.

Остановилась. Развернулась. Снова остановилась. Со стороны, наверное, это выглядело как человек, забывший, куда шёл. Но она не забыла. Она впервые в жизни не знала, куда хочет.

Потому что любой выбор теперь тянул за собой второй, теневой. Если она идёт к метро — модель, вероятно, предскажет. Если не идёт — она меняет маршрут потому, что думает о модели. То есть модель всё равно идёт рядом, чуть позади, и заглядывает через плечо в её собственную голову.

Она зашла в кафе, в котором никогда не была. Пахло корицей и мокрыми зонтами. Заказала чай вместо кофе. Села у окна. За стеклом шли люди, каждый по своей выверенной или невыверенной траектории, и ни один не знал своего процента.

Посмотрела в приложение.

100,0.

— Конечно, — сказала Ирина.

За соседним столом мужчина поднял голову. Она отвернулась и стала смотреть, как чайники медленно оседают на дно, — совершенно предсказуемо, по всем законам, и всё равно каждый раз рисунок получался другой.

Второй контрольный блок был назначен через два часа.

Он прошёл хуже. Модель ошиблась дважды. ИПС пересчитался.

99,7.

Ирина почувствовала облегчение. Настоящее, тёплое, в груди.

Потом заметила это облегчение и растерялась.

— Снижением довольны? — спросила Кравцова.

— Нет.

— Похоже, да.

— Потому что теперь я хотя бы не настолько...

Она не закончила.

— Предсказуема?

— Да.

— Почему это плохо?

Ирина посмотрела на неё.

— Потому что я хочу сама решать.

— А до сегодняшнего дня кто решал?

— Я.

— И сейчас?

Ирина раздражённо взяла сумку.

— Спасибо за тест.

— Ирина Сергеевна.

Она остановилась у двери.

— Высокая точность прогноза не означает, что решение принято не вами.

— Это вы всем говорите?

— Только тем, кто после проверки начинает заказывать чай вместо кофе.

Ирина невольно рассмеялась — коротко, против воли.

— Часто?

— Чаше, чем можно подумать.

— Вы это тоже прогнозируете?

Кравцова впервые почти улыбнулась. Усталость на секунду сошла с её лица.

— Иногда.

\* \* \*

Следующие две недели Ирина прожила глупо.

Она это понимала. Но продолжала — почти с азартом, какого не помнила за собой лет с двадцати.

В среду поехала на работу автобусом вместо метро и полдороги стояла в пробке в тёплой духоте, пахнущей мокрыми куртками и бензином, держась за поручень, липкий от чужих ладоней, и глядя на затылки чужих людей. В четверг пропустила бассейн и весь вечер не знала, куда деть освободившиеся сорок минут, — тело помнило воду и не понимало, почему воды нет. В пятницу заказала острое блюдо, которое не любила, и честно съела, обжигаясь. В субботу купила красный шарф.

Шарф ей не шёл. Она знала это ещё в магазине, у зеркала, — и купила именно поэтому.

В воскресенье согласилась на выставку, которую не хотела видеть, и два часа ходила между чужими холстами, чувствуя себя самозванкой на собственном бунте.

ИПС упал до 96,3.

Это приносило удовлетворение. Значит, модель ошибалась. Значит, она не была прозрачной.

В понедельник Ирина пришла на работу и поняла, что устала сильнее обычного — так устают не от дел, а от постоянного спора с кем-то, кого нет в комнате.

Шубин увидел цифру.

— Что случилось? Девяносто шесть.

— Ничего.

— Грешить начала?

— Это не моральный показатель.

— Конечно.

— Я серьёзно. Он измеряет только точность прогноза.

Шубин пожал плечами.

— И?

— Что «и»?

— Я думал, все знают.

— Ты называл его процентом хорошего человека.

— В шутку.

— Все называют.

— Ирина Сергеевна, я ещё гороскоп читаю в лифте. Это не значит, что я планирую бюджет по Меркурию.

Она не нашла ответа. И весь день носила в себе неудобную мысль: она — единственная в офисе, кто принял игру всерьёз. Самый согласованный человек оказался и самым доверчивым. Может быть, это вообще одно и то же.

В обед приложение предложило обновить «поведенческую цель». Ирина закрыла. Потом снова открыла. Удалила приложение. Через пять минут установила обратно.

Стояла с телефоном в руках и думала: вот сейчас, вот в эту секунду, кто решает — она или та её версия, которую модель уже дописала на два хода вперёд?

\* \* \*

Евгений пришёл без предупреждения.

Это было в его стиле. Ирина открыла дверь.

— Я был рядом.

— Ты никогда не бываешь рядом. Ты специально приезжаешь и говоришь, что был рядом.

— Возможно.

Он прошёл на кухню, как проходят по своей территории, увидел красный шарф на спинке стула.

— Это твоё?

— Да.

— Зачем?

— Нравится.

Евгений посмотрел на неё, потом на шарф, потом опять на неё.

— Тебе?

— Да.

— Сестра, я знаю тебя сорок лет.

— Тридцать шесть.

— Тем более.

Он сел, стул скрипнул. Ирина поставила чайник.

— Мама сказала, ты теперь едешь на автобусе.

— Вы меня обсуждаете?

— Конечно. У нас семейный чат без тебя.

— Смешно.

— Что происходит?

— С чего ты взял?

— Процент упал?

Ирина молчала.

— Сто процентов — это не правильность, — сказала она наконец.

— Да ладно.

— Ты знал?

— Я читал описание.

Ирина поставила чашку слишком резко. Звук вышел злее, чем она хотела.

— И ничего не сказал?

— Ты не спрашивала.

— Ты полгода слушал, как все обсуждают.

— Я полгода слушаю людей, которые думают, что «натуральный» на упаковке означает полезный.

— Это другое.

— Почему?

Она села. Пар от чайника поднимался ровным столбиком.

— Там просто предсказуемость. И я получила сто. Это значит, что модель угадала всё.

Тебя это не пугает?

Евгений подумал по-настоящему — она видела, что по-настоящему.

— Что именно?

— Что кто-то может знать, как ты поступишь.

— Меня никто не может.

— У тебя сорок семь.

— Вот. — Он усмехнулся. — Если я каждый день в восемь кормлю собаку, а ты угадаешь, что завтра я её покормлю, ты отнимаешь у меня свободу?

— Нет.

— Если угадаешь, что я опять опоздаю?

— Ты опоздаешь.

— Скорее всего.

— Это другое.

— Всё у тебя сегодня другое.

Ирина посмотрела на шарф. Евгений проследил взгляд.

— Ты теперь специально делаешь не то, что обычно?

— Иногда.

— Зачем?

— Чтобы не жить по шаблону.

— Чьему?

— Моему.

— То есть раньше ты жила для цифры, а теперь живёшь против цифры. — Он отпил кофе. — Какая разница?

— Большая.

— Какая?

Она не ответила. Он поставил чашку.

— Ты купила вещь, которая тебе не нравится, чтобы доказать компьютеру, что он тебя не знает. — Евгений сказал это без насмешки, почти мягко, и от мягкости стало хуже, чем было бы от насмешки. — Очень свободный поступок.

— Ты вообще не понимаешь.

— Возможно. У меня сорок семь.

Она бросила в него салфеткой. Он поймал не глядя. Ирина неожиданно засмеялась — и в этом смехе вдруг вышло всё напряжение двух недель, разом, до слёз в уголках глаз.

Потом ещё раз посмотрела на шарф.

На следующий день отнесла его обратно. ИПС поднялся на две десятых. Она не расстроилась.

Почти.

\* \* \*

— Ты поэтому такой? — спросила Ирина через неделю.

Они сидели у матери на кухне. Пахло жареным луком и чем-то из детства, чему у Ирины никогда не было названия. На плите шипело, стекло в окне запотело изнутри, по нему ползла вниз одинокая капля. Евгений резал хлеб — неровными кусками, как резал всегда; нож стучал по доске без ритма, корка хрустела и осыпалась крошками на клеёнку. Мать всегда за это ворчала и всегда ела именно эти куски.

— Какой?

— Непредсказуемый.

— Я не непредсказуемый.

— Сорок семь.

— Уже сорок девять.

— Не уходи от вопроса.

— Я не стараюсь. — Он пожал плечами. — Иногда меняю решения, потому что плохо планирую. Иногда потому что появляется что-то важнее. Иногда потому что ленивый. Иногда потому что передумал.

— Тебе не кажется, что это безответственно?

— Иногда кажется.

— Значит, низкий индекс — это проблема.

— Иногда.

— А высокий — достоинство.

— Иногда.

Ирина раздражённо положила нож, который держала без дела.

— С тобой невозможно разговаривать.

— Почему? Я очень последователен.

Мать засмеялась из комнаты. Евгений сгрёб хлеб в корзинку.

— Ты хочешь, чтобы одна цифра отвечала на вопрос, на который даже ты отвечаешь «зависит».

— Она хотя бы что-то измеряет.

— Отлично. Давление тоже что-то измеряет.

— Давление не называют правильностью.

— Давление не выкладывают в знакомствах.

— Пока.

Он посмотрел на неё — и вдруг стал серьёзным, без обычной подкладки из шутки.

— Ирин, я бы хотел быть надёжнее. Правда. Я задолбался забывать. Я трижды ставлю напоминания и всё равно уезжаю не туда. Если мой процент станет семьдесят, я буду рад.

— Тогда мы спорим о чём?

— О том, что семьдесят не сделает меня лучше тебя или хуже тебя.

Он нарезал последний кусок.

— И сорок девять меня не оправдывает. Это ты держи в голове отдельно. Я не за то, чтобы не приезжать вовремя к маме. Я за то, чтобы цифра не решала, кто из нас чего стоит.

Ирина смотрела на его руки.

— Ты мог сказать это полгода назад.

— Ты бы не услышала.

— С чего ты взял?

— Девяносто семь процентов.

Она снова бросила в него салфеткой. Он снова поймал. Из комнаты мать крикнула, чтобы они не переводили салфетки.

\* \* \*

Приглашение пришло в конце месяца.

Большой открытый разговор о новых метриках поведения. Организаторы не были связаны с исследовательским проектом.

Тема письма:

**«Как жить правильно: первый подтверждённый 100% ИПС».**

Ирина прочитала и хотела удалить. Потом перечитала. Позвонила Кравцовой.

— Вы это видели?

— Нет.

Она переслала. Через минуту Кравцова ответила:

— Неудачное название.

— И всё?

— А что ещё?

— Может, вы должны публично возразить.

— Мы возражаем публично каждую неделю. Никто не слушает.

— Тогда я пойду.

— Зачем?

— Объясню.

— Хорошо.

— Вы могли бы сказать «не надо».

— Почему?

— Потому что это снова может стать частью мифа.

— Может.

— Вы ужасный собеседник.

— Мне говорили.

Организатор написал, что аудитория будет большая, и попросил «несколько практических правил правильной жизни».

Ирина ответила:

*Практических правил не будет.*

Он поставил улыбающийся смайлик. Ирина поняла, что он решил: это интрига. И что своей честностью она только сделала себя интереснее. Куда ни ступи — всё считывалось как ход в чужой игре.

\* \* \*

За час до выхода Кравцова появилась за сценой.

— Вы всё-таки пришли.

— Вы тоже.

— Меня пригласили как представителя проекта. Я буду после вас.

Ирина держала в руках карточки. На них было всего несколько фраз, написанных от руки, её ровным почерком:

ИПС не измеряет мораль.

Высокая предсказуемость не делает решение хорошим. Низкая — плохим.

Последовательность может быть достоинством. Способность измениться — тоже.

— Хотите увидеть прогноз? — спросила Кравцова.

— Какой?

— Вашего выступления.

Ирина подняла глаза.

— Зачем?

— Не знаю.

— Прекрасно. Вы учитесь.

Кравцова не улыбнулась. Достала планшет.

— Для контрольной группы модель построила прогноз по вашей подготовке, последним интервью и поведению после валидации.

— И?

— Я могу не показывать.

Ирина подумала.

— Показывайте.

На планшете было несколько пунктов.

**Вероятность 96%:** участница публично отвергнет моральную интерпретацию ИПС.

**93%:** подчеркнёт, что предсказуемый поступок может оставаться нравственно значимым.

**89%:** откажется демонстрировать намеренно непредсказуемое действие.

**91%:** упомянет собственную ошибку интерпретации.

Ирина прочитала. Потом ещё раз. Бумажные карточки в её руке вдруг стали лёгкими и глупыми, как шпаргалка, которую учитель уже держит в своей копии.

— Вы издеваетесь?

— Нет.

— Вы заранее знаете, что я сейчас выйду и скажу, что вы ничего не знаете о правильности моей жизни.

— Мы предполагаем.

— С девяноста шестью процентами.

— Да.

Ирина посмотрела на карточки. В голове мгновенно, услужливо появились варианты. Можно было выйти и сказать противоположное. Можно было начать с другой темы. Можно было порвать карточки на сцене — эффектно, под камеры. Можно было вообще уйти.

И каждый из этих бунтов, она уже знала, был бы просто следующей строкой в чьём-то списке, пунктом с процентом.

— Вы это тоже предусмотрели? — спросила Ирина.

— Некоторые варианты.

- Какие?
- Не скажу.
- Почему?
- Потому что тогда мы превратим ваш выбор в соревнование с моделью.
- Ирина усмехнулась.
- Поздно.
- За дверью объявляли её имя. Кравцова забрала планшет.
- Вы можете сказать что угодно.
- И вы попытаете угадать.
- Да.
- Очень раздражает.
- Знаю.

Ирина встала, сделала два шага к сцене и остановилась. Свет из-за кулис ложился ей под ноги ровной жёлтой полосой.

- Если я сейчас специально изменю речь, чтобы вы ошиблись, это будет мой выбор?
- Кравцова ответила не сразу.
- Будет.
- Свободный?
- Я не измеряю это слово.

Ирина засмеялась.

— Конечно.

Она вышла на сцену.

\* \* \*

Свет оказался ярче, чем Ирина ожидала, — горячий, он лёг на щёки и лоб, как раскрытая ладонь, и во рту сразу пересохло. Микрофон на стойке пах металлом и чужим дыханием. Зал пропал в темноте, стал дыханием, кашлем, скрипом кресел, редким синим огоньком поднятого телефона.

На экране за спиной стояло:

## **КАК ЖИТЬ ПРАВИЛЬНО**

Ниже:

### **Ирина Веденеева — 100% ИПС**

Зал заплодировал. Хлопали ей — за число, которого она не выбирала и которое ничего о ней не знало.

Ирина села в кресло напротив ведущего. Он был молодой, быстрый и слишком довольный названием встречи.

— Ирина, начну с самого очевидного. Каково это — быть первым подтверждённым человеком со ста процентами?

— Никак.

В зале засмеялись. Ведущий тоже.

— Скромность — ещё один плюс к рейтингу?

— Нет.

— Тогда серьёзно.

Ирина посмотрела на экран. Сто процентов. Ещё месяц назад она бы испытывала гордость. Сейчас цифра казалась точной и пустой. Не ложной — именно пустой в отношении того вопроса, который зал хотел ей задать.

— Я сначала тоже думала, что это что-то обо мне как о человеке.

Ведущий кивнул.

— Разве не так?

— Нет.

Зал стал тише.

— ИПС измеряет, насколько хорошо модель прогнозирует мои решения. Всё.

— Но ведь именно ваши решения и показывают, кто вы.

— Показывают.

— Тогда в чём проблема?

Хороший вопрос. Ирина посмотрела на карточки. Потом положила их на стол лицом вниз.

— Проблема начинается, когда мы добавляем слово, которого в измерении нет.

— Какое?

— «Правильно».

На экране за её спиной это слово всё ещё было огромным. Кто-то в первом ряду засмеялся. Ведущий обернулся.

— Получается, название мероприятия...

— Очень популярное.

— Но вы действительно живёте последовательно. Держите слово. У вас нет серьёзных нарушений. Вы сами говорили: правильная жизнь — когда поступки не противоречат принципам.

Ирина узнала собственную фразу — аккуратную, застеленную с обеих сторон.

— Говорила.

— И передумали?

— Частично. Последовательность — полезное качество. Но она не отвечает на вопрос, хорошие ли у человека принципы.

Несколько человек подняли телефоны.

— Приведите пример.

Ирина помолчала. Она не хотела произносить подготовленный вариант — не потому что его предсказали, а потому что теперь он казался слишком гладким, слишком похожим на неё прежнюю.

— Если человек десять лет каждый раз помогает другу, вы довольно быстро сможете предсказать, что он поможет в одиннадцатый.

— Да.

— Это не делает помощь менее хорошей.

— Согласен.

— А если человек десять лет проходит мимо того, кому плохо, вы тоже сможете хорошо предсказать одиннадцатый раз.

В зале стало тихо. По-настоящему тихо — так, что стало слышно, как гудит проектор.

— Точность в обоих случаях будет одинаковой. Сто процентов у святого и сто процентов у подлеца — это одно и то же сто процентов. Машина не чувствует разницы. Разницу чувствуете вы.

Ведущий кивнул медленнее.

— Тогда что означает ваше сто?

— Что на контрольной выборке меня очень хорошо угадали.

— Звучит не так впечатляюще.

— Зато точно.

Кто-то хлопнул — один, неуверенно, и осёкся.

В первом ряду Кравцова сидела неподвижно. Ирина почти видела, как та мысленно ставит галочки: девяносто шесть — есть, девяносто три — есть. Это раздражало. Но уже не настолько.

— У меня есть брат, — сказала Ирина, и сама не знала, что скажет это, пока не сказала. — У него сорок девять.

— Сочувствуем.

Зал засмеялся. Ирина тоже.

— Я примерно так же реагировала. Он часто опаздывает. Иногда забывает. Иногда меняет решение в последний момент. И да, иногда это плохо, и я на него за это злюсь. — Она помолчала. — А иногда он меняет решение, потому что кому-то другому в эту минуту стало нужнее. И вот этого цифра тоже не видит. Для неё сорванное обещание из трусости и сорванное обещание из-за того, что ты бросил всё и поехал к чужому ребёнку, — это одинаковая ошибка прогноза. Просто человек оказался непохож на себя вчерашнего.

Она почувствовала, что говорит уже не для зала.

— Я две недели пыталась снизить свой процент.

Ведущий оживился.

— Получилось?

— Да.

— Как?

— Купила очень некрасивый шарф.

Зал засмеялся.

— Серьёзно. И зачем?

— Хотела доказать модели, что она меня не знает.

— Доказали?

— Нет. Я только купила некрасивый шарф. И две недели была себе неприятна.

Смех стал громче и тут же стих — люди услышали вторую половину фразы.

— Если ты делаешь что-то только потому, что алгоритм ждёт обратного, он всё равно участвует в твоём решении. Он даже не должен ничего делать. Достаточно, чтобы ты о нём помнил. Я думала, что бунтую. А я просто пересела за тот же стол с другой стороны.

— То есть вы не будете сейчас делать что-нибудь неожиданное?

Ирина посмотрела в темноту, туда, где сидела Кравцова.

— Нет.

— Потому что это тоже предсказано?

— Потому что мне не хочется.

— И вас не беспокоит, что модель это предполагала?

Ирина подумала. Долго — так долго, что зал начал ждать.

— Знаете, что беспокоит по-настоящему? Не то, что машина угадывает мои поступки. А то, что я не могу назвать ни одного своего решения за сегодня, про которое точно знаю: вот это я выбрала сама, а не просто снова оказалась собой.

Она сказала это тихо, и микрофон разнёс тишину по залу.

— Но, наверное, так у всех. Просто остальным не прислали цифру.

Аплодисменты начались не сразу. Потом зал всё-таки захлопал — иначе, чем в начале. В начале хлопали числу. Теперь, кажется, чему-то другому, чему названия не было.

На экране всё ещё было:

**100%**

Впервые число не выглядело ни наградой, ни приговором. Просто результатом измерения. Как рост. Как температура за окном.

\* \* \*

После выступления к Ирине подошли человек двадцать.

Одни говорили, что всегда знали. Другие спрашивали, стоит ли удалить приложение. Третьи хотели понять, какой процент «всё-таки лучше».

Ирина устала отвечать:

— Смотря для чего.

Один мужчина сказал:

— Я думаю, чем выше, тем всё равно лучше. На предсказуемых людях общество держится.

— Возможно.

— Вот видите.

— Что?

— Даже вы согласны.

Ирина улыбнулась.

— Я сказала «возможно».

Он ушёл недовольный. Кравцова ждала у стены, скрестив руки, и вид у неё был чуть менее усталый, чем утром.

— Ну? — спросила Ирина.

— Что?

— Сколько совпало?

— Почти всё.

— «Почти»?

— В примере с шарфом модель ожидала, что вы не станете рассказывать. Считала слишком личным и несущественным.

Ирина почувствовала маленькое, смешное, ни на что не годное удовольствие.

— Значит, не сто.

— На этой выборке — нет.

— Сколько?

— Это отдельная экспериментальная выборка, не ваш публичный ИПС. Хотите знать точность?

Ирина открыла рот. Закрыла.

— Потом.

Кравцова кивнула.

— Хороший ответ.

— Не начинайте.

Они пожали руки. Ладонь у Кравцовой была сухая и тёплая.

— Ирина Сергеевна.

— Да?

— Для протокола: мы никогда не считали высокую прогнозируемость плохой.

— Я знаю.

— И низкую — хорошей.

— Знаю.

— Тогда всё.

\* \* \*

Ирина вышла на улицу. Было холодно — по-настоящему, впервые в этом году; изо рта шёл пар, и фонари стояли в мелкой водяной пыли.

У дверей телефон завибрировал. Евгений.

Она ответила.

— Ну что? — спросил он.

— Закончилось.

— Тебя выгнали?

— Нет.

— Жаль. Был бы хороший финал.

— Я выступила.

— Видел кусок трансляции.

— И?

— Ты опять говорила как директор школы. — Пауза. — Но в конце — нет. В конце ты говорила как человек.

Ирина не нашла, что ответить. От брата она такого не ждала и поняла вдруг, что за весь вечер это первые слова, которые попали точно.

— Ты где? — спросил он.

— У метро.

— Поедешь домой?

Ирина посмотрела на вход в метро. Модель наверняка знала её обычный маршрут — восьмой вагон от центра, эскалатор, три остановки. Она почти улыбнулась этой мысли — уже без злости, как улыбаются знакомой, надоевшей соседке.

— Да.

— Маме завтра позвонишь?

— Позвоню.

— В восемь?

— После работы.

— Записал.

— Ты всё равно забудешь.

— Возможно.

Они помолчали. В трубке было слышно, как у него на том конце лает собака и кто-то смеётся, — вся его громкая, несогласованная с реальностью жизнь.

— Жень.

— А?

— Ты рад, что тебя нельзя посчитать?

Он подумал.

— Я об этом не думаю. Мне некогда.

И это, поняла Ирина, был самый свободный ответ, какой она слышала за весь день.

Она открыла приложение. Палец сам нашёл иконку — тем самым движением, каким наливала утренний кофе, каким ставила вторую чашку на вторую полку слева.

Результат обновился.

**100,0%.**

Она смотрела несколько секунд. Пар от дыхания уходил вверх и таял. Где-то под землёй уже ждал её восьмой вагон, эскалатор, три остановки, тёплая пустая квартира, где каждый предмет знал своё место, и угол у батареи, где никого не было.

Модель знала, что она сейчас спустится в метро.

И она спустится.

Не потому, что так решила модель.

А потому, что действительно хочет домой.

И впервые за месяц Ирина не смогла найти между этими двумя вещами никакой разницы — и не знала, есть ли она вообще, эта разница, или её всю жизнь и не было, а была только она сама, изо дня в день выбирающая ровно то, чем уже была.

— Ну что там у тебя? — спросил Евгений.

— Сто.

— И?

Ирина убрала телефон в карман. Свет фонарей дрожал в сырости. Она шагнула к метро — и на полшаге, на одну секунду, задержала ногу в воздухе, просто чтобы почувствовать, что может.

Потом всё равно шагнула.

— Ничего.

## 2. Главная ложь

Сергею Лаврову исполнилось пятьдесят два в субботу.

Анна приехала к четырём, как обещала, с тортом, бутылкой вина и белым конвертом. В прихожей от неё пахло холодом и уличным яблоком — она всегда ела яблоко в дороге, с самого детства, и всегда доедала у самой двери. Сергей знал это, как знают допуск на знакомой детали: без измерения, на глаз.

— Это что? — спросил он.

— Подарок.

— Конверт я вижу.

— Тогда открой.

На открытке было напечатано:

**ТЦР. Тест центрального рассогласования. Полный индивидуальный протокол.**

Сергей поднял глаза.

— Серьёзно?

Анна рассмеялась.

— Ты же сам говорил, что это шарлатанство.

— Я говорил, что люди любят платить деньги за то, чтобы им рассказали, кто они.

— Отлично. Теперь узнаем, прав ли ты.

— А если мне скажут, что я зануда?

— Это не требует дорогостоящей диагностики.

Сергей поставил открытку на стол, ровно, параллельно краю. Рука сделала это сама.

— Сколько это стоит?

— Пап.

— Я просто спросил.

— Вот поэтому тебе и нужен тест.

Она была похожа на мать только глазами. Тот же серый, с зеленью к зрачку. Всё остальное — его. Не внешне. В том, как поправляла чашку по краю стола. Как сначала читала инструкцию, а потом уже нажимала кнопку. Как могла десять минут спорить о слове, если считала его неточным.

Сергей этим гордился. И где-то под гордостью, в том месте, куда он редко заглядывал, знал: он вылепил её по себе так же аккуратно, как чертил всю жизнь, — по линейке, с выверенными сопряжениями. Мысль была неудобная. Он её отложил, как откладывал всё, чему пока не находил применения.

Анне было двадцать семь. Она работала биоинформатиком в исследовательской компании, снимала квартиру на другом конце города и приезжала к нему обычно раз в неделю. Иногда чаще. Когда что-то случалось.

Эти визиты держали неделю в форме. По вторникам он ждал её, по средам вспоминал, что она сказала. Всё остальное время квартира стояла та же, что семь лет назад, только тише. Галинины очки для чтения так и лежали на полке у телефона — он давно перестал их замечать и никогда не убирал.

— А что он вообще делает? — спросил Сергей.

— Ты серьёзно не знаешь?

— В рекламе написано: «показывает главную ложь, которую человек рассказывает себе».

Это не описание метода.

— Я думала, ты изучил всё ещё до того, как я доехала.

— Я не знал, что ты подаришь.

— То есть ещё не успел.

Он открыл сайт. Анна закатила глаза.

— Давай хоть сегодня без анализа.

— Я просто посмотрю.

— Конечно.

Через десять минут он уже читал вслух, водя пальцем по строчкам, как по спецификации:

— «Тест не выявляет сознательную ложь, не определяет моральную ценность личности и не имеет диагностического значения...» Отлично. Уже нравится.

— Вот видишь.

— «Выявляет наиболее центральное самоописательное убеждение, которое не согласуется с собственными нормативными критериями участника и наблюдаемым паттерном поведения».

Анна отпила вина.

— По-русски?

— Они сначала спрашивают, каким ты себя считаешь. Потом — что для тебя значит быть таким человеком. Потом проверяют, насколько ты сам соответствуешь собственному определению.

— Звучит честно.

— Звучит как очень дорогой способ сказать людям, что они лицемеры.

— Тебе должно быть безопасно.

— Почему?

— Ты всё про себя знаешь.

Сергей посмотрел на неё поверх очков.

— Почти.

— Вот и проверим.

Он положил телефон экраном вниз.

— А ты проходила?

— Нет.

— Почему?

— Я тебе подарила.

— Ловко.

Анна улыбнулась.

— Если тебе выдадут «Мне не важно чужое мнение», я буду требовать половину стоимости обратно.

— Мне действительно не важно чужое мнение.

— Пап.

— Что?

— Запиши.

За окном темнело рано, по-ноябрьски. Торт так и остался неразрезанным до вечера — они забыли о нём, разговаривая, и это было хорошо.

\* \* \*

Первое интервью длилось три часа.

Кабинет был светлый, с одним окном во двор, где голое дерево царапало веткой по стеклу при ветре. Сергей ожидал вопросов о детстве. Их почти не было. Специалист по имени Юлия Рощина спрашивала другое. Она сидела прямо, руки на столе, и записывала мелким почерком в бумажный блокнот, а не в компьютер, — и это Сергею как-то сразу расположило.

— Какие роли в вашей жизни вы считаете центральными?

— Отец.

— Ещё?

— Инженер. Руководитель. Друг. Сын.

— Муж?

Сергей помолчал. За стеклом ветка провела по нему длинную линию.

Галина умерла семь лет назад. Весной, быстро, за четыре месяца от диагноза до конца. Он до сих пор иногда просыпался и в первую секунду тянулся на её сторону кровати, прохладную и ровную.

— Был.

Рощина ничего не отметила вслух.

— Какая из ролей важнее всего?

— Отец.

Ответ пришёл сразу.

— Почему?

— Потому что всё остальное можно было сделать лучше или хуже. А это... — он остановился.

— Что?

— Это главное. И это осталось на мне одном.

Он не собирался говорить вторую фразу. Она вышла сама и повисла в светлом кабинете.

— Что для вас значит быть хорошим отцом?

Сергей приподнял брови.

— Вы так и спрашиваете?

— Да.

Он подумал.

— Любить ребёнка.

— Это состояние. Что из поведения?

— Быть рядом.

— Ещё.

— Обеспечивать безопасность. Помогать. Не унижать. Поддерживать.

Рощина записывала, и перо тихо шуршало.

— Взрослого ребёнка?

— То же самое, только без опеки.

— Что значит без опеки?

— Уважать выбор.

— Если выбор кажется ошибочным?

— Объяснить риски.

— А дальше?

— Дальше человек решает сам.

— Позволить ошибиться?

Сергей посмотрел на неё.

— Если это не что-то необратимое и опасное — да.

— Не заставлять жить так, как считаете правильным вы?

— Конечно.

Она подняла глаза.

— Это тоже включаем?

— Разумеется.

Через час они обсуждали работу. Сергей руководил конструкторской группой в компании, которая проектировала системы промышленной автоматизации. Он любил решения, которые можно было объяснить. Не любил выражения вроде «так чувствуется». В его мире у всего была величина, единица и допуск, и мир этот тридцать лет не подводил.

— Вы часто даёте советы? — спросила Рощина.

— Если спрашивают.

— А если не спрашивают?

— Зависит.

— От чего?

— От того, насколько очевидна ошибка.

— Кто определяет?

— Я, если речь о моём мнении.

— То есть?

— Я могу сказать: «Мне кажется, ты ошибаешься». Это не значит, что человек обязан слушать.

— А если речь о дочери?

Сергей улыбнулся.

— Анна обычно сама спрашивает.

— Всегда?

— Почти.

— Хорошо.

В конце Рождина сказала:

— Теперь понадобится доступ к данным, которые вы согласовали: переписка, календарь, архив решений, семейные материалы. Анна дала согласие на интервью.

— Она участвует?

— Только как внешний источник. Результат формируется не по её оценке.

— То есть она не сможет написать «мой отец ужасный человек» и испортить статистику?

— Сможет написать. Но это будет только её утверждение.

— Шучу.

— Я знаю.

Сергей не был уверен, что она знает. Он вышел на улицу, где мело первым сухим снегом, и почему-то шёл до метро пешком, хотя мог доехать.

\* \* \*

Через неделю его попросили прийти лично.

Рождина положила на стол белый конверт. Он лежал на сером сукне стола ровным прямоугольником, и Сергей поймал себя на том, что оценивает его размеры.

— Обычно люди получают результат в приложении, — сказала она. — Но вы выбрали бумажную форму.

— Хотел подарку соответствовать.

— Внутри одна фраза.

— И всё?

— И код доступа к техническому отчёту. Но мы рекомендуем сначала прочитать фразу и минимум сутки не открывать объяснение.

— Почему?

— Потому что иначе человек сразу начинает спорить с методикой.

— Разумно.

— Вы уже спорите.

Сергей взял конверт. Бумага была плотная, дорогая, с чуть шершавой кромкой.

— Здесь написано то, что я в глубине души знаю?

— Нет.

— То, чего не знаю?

— Вы знаете все данные, из которых получен результат.

— Тогда что именно?

— Утверждение, которое вы искренне считаете истинным и которое сильнее других расходится с критериями, которые сами ему задали.

— То есть ваша версия моей внутренней непоследовательности.

— Да.

— Не истины.

— Нет.

Это Сергею понравилось. Он вскрыл конверт ногтем, аккуратно, по сгибу. На белой карточке было напечатано:

**ВЫ ХОРОШИЙ ОТЕЦ.**

Ниже:

**Центральное рассогласованное убеждение.**

Сергей перечитал. Потом ещё раз. В кабинете было тихо, только за стеной работал чей-то принтер, толчками.

— Очень смешно.

— Это не шутка.

— Я понимаю.

— Хотите открыть отчёт сейчас?

— Вы же сказали сутки.

— Это рекомендация.

Сергей убрал карточку обратно в конверт, и от бумаги остался на пальцах сухой холодок.

— Нет. Подожду.

Он встал.

— Простите.

Рощина посмотрела.

— За что?

— Я просто пытаюсь понять, где именно у вас ошибка.

— Это нормальная реакция.

— Не сомневаюсь.

На улице он позвонил Анне. Стоял под козырьком, снег ложился на плечи и не таял.

— Ну?

— Угадай.

— «Мне не важно чужое мнение».

— Нет.

— «Я умею отдыхать».

— Нет.

— «Я не контролирую людей».

Сергей замолчал.

— Пап?

— Ты жульничаешь.

— В смысле?

— Тебя интервьюировали.

— Да, но мне не говорили результат.

Он посмотрел на карточку через прозрачное окошко конверта.

— «Вы хороший отец».

На другом конце стало тихо. Потом Анна рассмеялась. Не нервно. Искренне.

— Они что, издеваются?

— Вот и я думаю.

— Покажи.

Он отправил фотографию. Анна снова рассмеялась.

— Ладно. Это сильно.

— Что именно?

— Формулировка.

— Ты согласна?

Смех прекратился.

— С чем?

— Что это ложь.

— Нет.

Ответ был быстрым. Сергей почувствовал облегчение — больше, чем хотел бы признать; в груди отпустило что-то, о чём он и не знал, что оно держится.

— Вот.

— Но ты всё равно прочитай отчёт.

— Конечно.

— Только не сегодня.

— Именно это мне сказали.

— Значит, хоть где-то ты будешь слушаться рекомендаций.

\* \* \*

Сутки он выдержал. Почти. В двадцать три пятьдесят открыл приложение. Экран телефона был единственным светом в комнате, и лицо его в тёмном окне напротив казалось чужим и синеватым.

Технический отчёт был на сорок две страницы. Сергей начал с выводов.

**Уверенность в убеждении: высокая.**

**Центральность для модели себя: высокая.**

**Согласованность с собственными критериями: снижена.**

Дальше шёл текст.

«Результат не означает, что участник является "плохим отцом" в бытовом или моральном смысле. Он означает, что утверждение "я хороший отец" является наиболее центральным самоописанием, для которого обнаружено устойчивое противоречие между критериями участника и паттернами решений».

Сергей перечитал. Это было уже лучше. Почти смешно. Они сами признавали, что не считают его плохим отцом.

Дальше перечислялись его критерии:

**уважать выбор взрослого ребёнка;**

**позволять совершать собственные ошибки;**

**не использовать любовь как основание управлять жизнью ребёнка;**

**не заставлять жить в соответствии с собственной моделью правильной жизни.**

Сергей нахмурился. Последний пункт звучал резче, чем он помнил. Он открыл расшифровку интервью. Да. Сказал.

Потом пошли примеры. Школа. Музыкальный кружок. Университет. Первая работа. Ипотека.

Сергей закрыл отчёт. Открыл снова.

— Ну давайте, — сказал он вслух, и голос в пустой квартире прозвучал слишком громко.

И начал читать с первой страницы.

Первой была музыка. Анне было одиннадцать. Она занималась фортепиано четыре года и однажды сказала:

— Я больше не хочу.

Сергей помнил кухню. Тот старый кафель, которого давно нет. Галина мыла посуду, и вода шумела. Анна сидела, поджав под себя ногу, — она всегда так сидела, когда собиралась упираться.

— Почему? — спросил он.

— Надоело.

- Это не причина.
- Почему?
- Потому что «надоело» проходит.
- А если не проходит?
- Тогда поговорим через месяц.
- Я сейчас не хочу.
- Ты уже четыре года занимаешься.
- И что?
- И будет глупо бросить из-за настроения.

Анна тогда заплакала. Не сильно. От злости. Галина за спиной закрыла воду, но не обернулась и ничего не сказала — она умела молчать так, что молчание было третьим участником разговора. Сергей выдержал.

Через месяц Анна не попросила снова. Через два года получила диплом на городском конкурсе. После вручения сама сказала:

- Хорошо, что ты не дал бросить.

Сергей нашёл это в отчёте. Анна подтверждала. Цитата из её интервью:

*«В случае с музыкой он, возможно, был прав. Я действительно рада, что тогда не бросила».*

Сергей откинулся на спинку. Вот. Прекрасный пример. Система записала его как рассогласование. Почему?

Он открыл примечание. «Потому что критерий "позволять ребёнку совершать собственные ошибки" нарушен независимо от качества последующего результата».

Сергей задержался на формулировке.

- Независимо от результата, — сказал он.

Очень удобно. Если родитель мешает ребёнку совершить глупость и всё заканчивается хорошо, это всё равно нарушение автономии. Тогда какой смысл вообще быть родителем?

Он позвонил Анне. Было почти одиннадцать.

- Ты спишь?
- Уже нет.
- Я читаю.
- Я поняла.
- Про музыку помнишь?
- Да.
- Ты жалеешь, что я настоял?
- Нет.
- Вот.
- Что «вот»?
- Забудь.

Анна вздохнула, и в трубке было слышно, как она садится в постели, поправляет подушку.

- Пап, ты позвонил в одиннадцать, чтобы выиграть спор с машиной?
- Не с машиной. С методикой.
- Это важное различие.
- Ты сама говоришь, что я был прав.
- В том случае.
- А тест считает это доказательством обратного.
- Он не считает, что ты был неправ.

Сергей замолчал.

- Там же написано, что он сравнивает с твоими критериями, — продолжила Анна.

— Значит, критерии идиотские.

— Ты их сам придумал.

— Я не имел в виду, что хороший отец обязан спокойно смотреть, как ребёнок делает очевидную ошибку.

— Тогда, может, надо было так и сказать.

— Прекрасно.

— Пап.

— Что?

— Прочитай дальше. И ложись спать.

— Я взрослый.

— Позволяю тебе совершить эту ошибку.

Он отключился первым. Улыбался ещё минуту, глядя в тёмный потолок. Потом открыл следующий раздел.

\* \* \*

Университет оказался хуже.

Анне было семнадцать. Она выбирала между прикладной математикой и биологией. Точнее, сначала говорила, что хочет на молекулярную биологию.

Сергей считал это плохой идеей. Не потому что биология плохая. Потому что программа в выбранном ею вузе была слабее, конкурс выше, а карьерная траектория менее понятна.

Он ничего не запрещал. Собрал таблицу. Три университета. Стоимость. Конкурс. Публикации кафедр. Трудоустройство выпускников. Он до сих пор помнил, как чертил её вечерами на кухне, и как ему было хорошо это делать — впервые после смерти Галины у него была задача, за которую можно было спрятаться. Нашёл своего бывшего однокурсника, работавшего в ИТ-компании, и организовал встречу. Потом знакомая Галины свела Анну с выпускницей математического факультета.

Сергей помнил, как сказал:

— Я ничего не решаю за тебя. Просто хочу, чтобы ты понимала варианты.

Анна выбрала прикладную математику. Через три года ушла в биоинформатику. То есть, по сути, получила оба направления. Успешно. Хорошая зарплата. Интересная работа. Сергей всегда считал это одним из лучших решений в её жизни.

В отчёте стояла расшифровка интервью Анны:

*«Папа никогда не говорил: "Ты не пойдёшь на биологию". Он просто сделал другой вариант настолько хорошо обоснованным, что выбрать биологию стало почти невозможно. Я тогда считала, что решила сама. Может быть, и решила. Я до сих пор не знаю».*

Сергей перечитал последнюю фразу. Потом предыдущую. «Почти невозможно».

Это было преувеличением. Никто не запирал её дома. Никто не забирал документы. Он дал информацию. Хорошую информацию.

Разве хороший отец должен скрывать данные, чтобы ребёнок чувствовал свободу?

Следом шёл комментарий системы:

**Участник систематически отличает прямое принуждение от управления структурой выбора. В собственной нормативной модели учитывает оба типа воздействия только частично.**

Сергей закрыл приложение. Вот эта формулировка была уже неприятной. Не потому что точная. Потому что звучала так, будто он манипулятор.

Он не был манипулятором. Никогда.

Он встал, налил воды, выпил у окна. Двор внизу был белый и пустой, один фонарь, одна цепочка чужих следов. Он поймал себя на том, что стоит и составляет в голове контраргументы, как перед защитой проекта. И что защищается — перед дочерью, которой в комнате нет.

\* \* \*

Через два дня Анна приехала сама. Без торта. С кофе в двух картонных стаканчиках.

— Ну? — спросила она, стягивая шарф.

— Что?

— Ты выглядишь как человек, который готовит апелляцию.

— Там есть ошибки.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Они сели на кухне. Кофе горчил, остывал; Сергей пил, чтобы занять руки.

— Музыка, — начал он.

— Мы обсуждали.

— Ты считаешь, я поступил неправильно?

— Нет.

— Университет.

Анна посмотрела.

— Сложнее.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что бы выбрала без тебя.

— Ты всё равно пришла в биоинформатику.

— Да.

— Значит, направление тебе подходит.

— Да.

— Тогда?

Анна медленно помешивала кофе деревянной палочкой, хотя сахар давно растворился.

— Пап, ты сейчас опять пытаешься доказать правильность решения результатом.

— А чем её ещё доказывать?

— Я не знаю.

— Так можно вообще ничего не доказывать.

— Может быть, вообще нельзя доказать.

Сергей отложил телефон.

— Ты считаешь меня плохим отцом?

Анна подняла глаза.

— Нет.

— Честно.

— Честно.

— Тогда тест ошибся.

— Он не сказал, что ты плохой отец.

— Он сказал, что «я хороший отец» — ложь.

— Он сказал, что это рассогласование.

— Это словесная акробатика.

Анна улыбнулась.

— Ты уже говоришь как юрист.

— Я хочу понять.

— Я тоже.

— Тогда объясни.

Она долго молчала. За окном сосед выбивал половик, глухо и мерно.

— Я не могу.

— Прекрасно.

— Не злись.

- Я не злюсь.
- Ты всегда говоришь это, когда злишься.
- Он выдохнул.
- Хорошо. Злюсь.
- Я правда не думаю, что ты плохой отец.
- Но?
- Никакого «но».
- Есть.
- Есть другое.
- Что?

Анна посмотрела на стол, на свои руки.

- Иногда я не понимаю, чего хочу, пока не представлю, что ты скажешь.

Сергей не сразу понял.

- В смысле?
- В прямом.
- Это нормально. Мы близкие люди.
- Наверное.
- Ты хочешь сказать, я влияю на твои решения?
- Конечно влияешь.
- Все родители влияют.
- Да.
- Тогда в чём проблема?

Анна покачала головой.

- Вот сейчас я уже слышу тебя у себя в голове.
- Остроумно.
- Я не шучу.

Сергей замолчал.

— Когда мне предлагают что-то, — продолжила Анна, — я часто сначала думаю не «хочу ли я», а «что папа спросит». Зарплата. Надёжность. Перспективы. Риски. Кто руководитель. Что будет через три года.

- Это плохие вопросы?
- Нет.
- Тогда?
- Не знаю.

Она посмотрела на него, и в сером с зеленью глазу Галины стояло что-то, чего он не умел измерить.

- Может быть, проблема как раз в этом. Они хорошие.

Сергей ничего не ответил.

\* \* \*

После её отъезда он открыл старую переписку. Не из отчёта. Сам.

Квартира к вечеру совсем остыла — он забывал вовремя включать отопление, когда был один. Анне девятнадцать.

*Пап, мы хотим летом поехать волонтёрами в экспедицию на Белое море.*

Его ответ:

*Кто организатор?*

Потом:

*Есть страховка?*

*Где жить?*

*Кто отвечает за группу?*

*Сколько человек?*

*Медпункт?*

Через час:

*Я не против. Просто сначала выясни всё это.*

Она не поехала. Почему? Сергей не помнил. Нашёл дальше.

*Решила устроиться на стажировку. Так полезнее.*

Он ответил:

*Разумно.*

Сергей сидел с телефоном в тёмной кухне. Экспедиция могла быть глупой. Она могла заболеть. Потерять лето. Стажировка действительно помогла — через год её взяли в лабораторию.

Что он должен был написать? «Езжай, потому что твоя автономия важнее здравого смысла»?

Он листал дальше. В двадцать один Анна встречалась с Артёмом, которого Сергей считал ненадёжным. Он ни разу не сказал: «Брось его». Только спрашивал про работу, долги, квартиру, магистратуру, планы. Через полгода они расстались.

Анна потом сказала:

— Ты был прав.

В отчёте стояло другое её уточнение:

*«Наверное, был. Но иногда мне интересно, сама ли я это поняла или просто устала доказывать, что он ошибается».*

Сергей закрыл телефон. Вопросы ведь были разумными. Именно это начинало раздражать сильнее всего.

Он посмотрел на полку у телефона, где лежали Галинины очки. Она бы сейчас что-нибудь сказала. Что-нибудь простое, неточное, не измеряемое, — и оно попало бы туда, куда все его таблицы никогда не попадали.

— Ну и что мне делать, — сказал он очкам.

Очки, разумеется, молчали.

\* \* \*

На работе Сергей начал замечать собственный голос.

Первым был Арсений, молодой инженер. Он подошёл с ноутбуком, взъерошенный, пахнущий сигаретами и уверенностью.

— Я думаю взять другую компоновку, — сказал он.

— Почему?

— Она проще.

— Надёжность?

— Чуть ниже.

— Насколько?

— Процента на четыре.

— Стоимость отказа?

— Небольшая.

Сергей уже открыл расчёты. Пальцы сами нашли нужную таблицу. Потом остановился.

— Что? — спросил Арсений.

— Продолжай.

— Вы против?

— Я хочу понять.

— Вы всегда говорите «хочу понять», когда уже против.

Сергей поднял глаза. Арсений улыбался.

— Шучу.

Не шутил.

— Делай свой вариант, — сказал Сергей.

— Серьёзно?

— Да.

— А если не сработает?

Сергей почувствовал знакомое желание сказать: «Поэтому давай сначала посчитаем».

Вместо этого сказал:

— Тогда переделаем.

Арсений ушёл удивлённый. Через неделю его компоновка действительно оказалась хуже.

Сергей ничего не сказал.

От этого стало только хуже. Потому что старая схема подтвердилась: он видел риск, мог предотвратить, не предотвратил.

Это и есть уважение чужой автономии? Дать человеку потерять неделю на ошибке, которую ты распознал заранее?

Вечером он написал Анне:

*У меня вопрос.*

Она ответила:

*Опасно.*

*Если ты видишь, что человек сейчас делает ошибку, ты должен сказать?*

*Обычно да.*

*А если он не слушает?*

Ответ пришёл не сразу.

*Зависит.*

*От чего?*

*От того, его это ошибка или твоя проблема.*

Он прочитал дважды. Ответил:

*Очень расплывчато.*

Она:

*Зато бесплатно.*

\* \* \*

Три недели Сергей к тесту не возвращался. Карточка лежала в верхнем ящике стола, между степлером и запасными грифелями для карандаша. Иногда он открывал ящик и видел белый край.

### **ВЫ ХОРОШИЙ ОТЕЦ.**

В первые дни хотелось перевернуть карточку лицом вниз. Потом перестал. Он не чувствовал себя разоблачённым. Это было бы проще. Если бы Анна сказала: «Ты всё решал за меня», — он мог бы согласиться, не согласиться, извиниться, привести примеры. У него был бы предмет спора, а спорить он умел.

Но она не говорила. Она продолжала звонить. Присылала ссылки. Просила помочь выбрать ноутбук. Однажды спросила, стоит ли менять страховку.

Сергей ответил подробно. Через десять минут понял это. Написал:

*Я опять?*

Анна:

*Что?*

*Решаю.*

*Нет. Я сама спросила.*

Он смотрел на экран.

*Точно?*

Ответ:

*Пап. Иногда совет — это просто совет.*

Сергей засмеялся. Эта фраза была почти облегчением. Потом Анна добавила:

*Проблема не в том, что ты советуешь. Проблема в том, что с тобой очень трудно потом выбрать иначе.*

Сергей перестал смеяться. Он набрал:

*Почему?*

Стёр. Написал:

*Понял.*

Через секунду она прислала:

*Не думаю :)*

Он отложил телефон экраном вниз, как клал теперь всё чаще, будто это что-то меняло.

\* \* \*

В субботу они поехали к сестре Галины на дачу. Анна была за рулём. День стоял серый, дорога мокрая, дворники ходили туда-сюда с тихим взвизгом.

Сергей автоматически следил: скорость, дистанция, перестроение, навигация. Он ничего не мог с этим сделать — глаз тридцать лет читал системы, и человек за рулём тоже был системой.

На выезде с кольца она выбрала левую полосу.

— Тебе направо через два километра, — сказал Сергей.

— Знаю.

— Потом перестраиваться неудобно.

— Пап.

— Молчу.

Через минуту поток справа встал. Анна спокойно перестроилась раньше пробки. Сергей заметил. Ничего не сказал.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты сейчас прямо физически удержался.

— Я развиваюсь.

— Горжусь.

На обратном пути она свернула не туда. Потеряли двенадцать минут. Сергей тоже ничего не сказал, только смотрел, как в окне проплывают чужие незнакомые дома. На третьем светофоре Анна посмотрела на него.

— Это уже глупо.

— Что?

— Ты видел, что я не туда еду.

— Хотел уважить автономию.

— Пап.

— Что?

— Предупредить о повороте — не контроль.

— Где инструкция?

Анна засмеялась.

— Нет инструкции.

— Очень неудобно.

— Я знаю.

— Значит, мне всё-таки можно говорить.

— Конечно.

— А когда нельзя?

Она пожала плечами, не отрывая глаз от дороги.

— Когда я уже слышала.

Это было почти конкретно. Сергей запомнил, как запоминал важные числа, — намертво.

\* \* \*

Через месяц Анна позвонила вечером. Голос был странный. Не испуганный. Собранный.

— Ты дома?

— Да.

— Я приеду.

— Что случилось?

— Ничего плохого.

— Тогда что?

— Приеду — расскажу.

Сергей уже хотел спросить: здорова ли она; не уволили ли; не случилось ли чего с квартирой. Не спросил. Это стоило ему усилия, физического, как удержать тяжёлое.

Анна приехала через сорок минут. Сняла куртку. Не пошла на кухню. Села в гостиной, на краешек, в пальто.

— Мне предложили работу.

— Где?

Анна прикрыла глаза.

— Началось.

— Я спросил город.

— В Новосибирске.

Сергей замолчал. Что-то внутри уже считало расстояние — три тысячи километров, четыре часа лёта, другой часовой пояс.

— Компания?

— Не компания. Группа при исследовательском центре.

— Какая?

— Геномные модели редких заболеваний. Проект на три года.

— Финансирование?

Анна посмотрела на него.

— Пап.

Он выдохнул.

— Хорошо. Рассказывай.

Она рассказала. Небольшая группа. Сильный научный руководитель. Проект интересный. Денег меньше. Контракт на три года. Никакой гарантии продления. Переезд. Съёмное жильё. Текущая компания готова повысить её через полгода.

В Москве у неё были: друзья, квартира, мать Сергея, к которой Анна часто ездила, привычная жизнь. И он сам. Об этом она не сказала, но он услышал и это тоже.

В Новосибирске — работа, о которой она говорила слишком быстро.

Сергей слышал. Это был главный сигнал. Когда Анна чего-то действительно хотела, она начинала объяснять слишком много. Как будто заранее защищалась.

— Ты хочешь ехать, — сказал он.

— Не знаю.

— Хочешь.

— Пап.

— Ладно.

Он встал.

— Чай?

— Да.

На кухне Сергей открыл ноутбук. Автоматически. Экран засветил ему лицо.

— Что ты делаешь?

— Посмотрю центр.

Анна засмеялась из гостинной.

— Конечно.

— Я просто хочу понимать.

Фраза прозвучала. Сергей замер, не донеся руку до клавиш.

**Я просто хочу понимать.**

Сколько раз? Университет. Артём. Экспедиция. Ипотека. Работа. Всё начиналось одинаково. Сначала понять. Потом найти риски. Потом разложить. Потом сказать:

**Я ничего не решаю за тебя.**

И к этому моменту один вариант уже выглядел взрослым, разумным и безопасным. Другой — капризом, который человеку приходилось защищать.

Сергей закрыл ноутбук. Тихо, обеими руками. Анна заметила из комнаты.

— Что?

— Потом.

— Нет. Что?

Он принёс чай, две чашки, поставил. Сел напротив.

— Продолжай.

— Я всё рассказала.

— Не про условия.

— А про что?

Сергей хотел спросить: «Почему тебе это важно?» Хороший вопрос. Но понял, что даже вопрос уже направляет — что он всегда начинал не с желания, а с обоснования, и тем самым учил её тому же.

— Не знаю.

Анна смотрела.

— Ты заболел?

— Возможно.

Она улыбнулась. Потом перестала.

— Я правда не знаю, что делать.

Вот оно. Старая задача. Сергей уже видел решение. Не абстрактно. Не «зависит». Видел.

Остаться. Текущая компания стабильна, через полгода повышение. Новосибирский проект зависит от гранта, группа молодая, контракт короткий. Он мог объяснить всё спокойно. Без давления. Только факты. Анна выслушала бы. Задала вопросы. Уехала домой. На следующий день прислала бы ещё пару уточнений. Через неделю сказала бы: «Наверное, ты прав». И решение было бы её. Как всегда.

— Зарплата сильно меньше? — спросил Сергей.

Анна назвала сумму. Он автоматически посчитал. Аренда. Перелёты. Накопления.

— Руководитель кто?

Она сказала фамилию. Сергей уже потянулся к телефону, чтобы найти публикации. Остановился, положил телефон на стол экраном вниз.

— Пап?

— Да.

— Ты опять завис.

— Думаю.

— Вот поэтому я пришла.

Сергей посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что ты умеешь это разложить.

- А если не разложу?
- Тогда зачем ты мне?

Она сказала это шутливо. Сергей улыбнулся. Но фраза осталась и легла рядом с той, с карточки.

**Тогда зачем ты мне?**

Анна сама пришла за его способом думать. Сама просила. Сама доверяла. Если он теперь демонстративно откажется помогать только из-за теста, это тоже будет решением за неё — просто другого типа, обиженного и показного. Он и здесь мог промахнуться.

- Давай так, — сказал Сергей.

Анна ждала.

- Я могу задать вопросы.

- Давай.

- Но не буду говорить, какой вариант считаю лучше.

Она нахмурилась.

- Почему?

- Хочу попробовать.

- Что попробовать?

- Неважно.

- Пап.

- Хорошо. Хочу понять, смогу ли я помочь тебе не выбрать мой вариант.

Анна несколько секунд молчала.

- Ты уже знаешь свой вариант?

- Да.

- Какой?

Сергей рассмеялся.

- Нет.

- Ну пап.

- Ты хотела совет.

- Да.

- Вот.

- Это издевательство.

- Возможно.

Она тоже рассмеялась. Напряжение ушло. Ненадолго.

- Хорошо, — сказала Анна. — Спрашивай.

Сергей спрашивал. Не о финансировании сначала.

- Что в этой работе такого?

Анна начала отвечать. Сначала как на собеседовании: задача, данные, научная группа. Потом проще. Ей было интересно. Давно. В текущей компании она всё чаще делала продуктивные вещи и всё меньше настоящей науки. В Новосибирске можно было три года заниматься одной трудной проблемой.

Пока она говорила, лицо у неё менялось, теплело, и Сергей смотрел на это лицо и думал, что вот сейчас видит не результат ни одного своего решения, а её саму, отдельную, которую он на самом деле знает хуже, чем думает.

- А чего боишься?

- Что всё развалится через год.

- Ещё?

- Что буду одна.

- Ещё?

- Что вернусь и окажется, что отстала.

— Ещё?

Анна помолчала.

— Что останусь и потом буду всем объяснять, почему это было разумно.

Сергей поднял глаза. Она тоже поняла, что сказала.

— Вот, — тихо сказал он.

— Не начинай.

— Я ничего.

— У тебя лицо.

— Лицо имеет право.

Она улыбнулась. Сергей не открыл ноутбук.

\* \* \*

Разговор длился два часа. Чай давно остыл в обеих чашках. За окном погасли соседние окна, одно за другим.

Иногда он забывался. Начинал:

— Если посмотреть объективно...

Останавливался. Анна один раз сказала:

— Нет, договори.

Он договорил. Иногда она сама спрашивала:

— А ты что думаешь?

Сергей отвечал:

— Я думаю, это рискованно.

— Насколько?

— Сильно.

— Ты бы поехал?

— Нет.

Она кивнула. Это было честно. Потом спросила:

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

Сергей подумал по-настоящему. Впервые за вечер отделил одно от другого — то, что считал правильным, и то, чего хотел.

— Да.

— Потому что считаешь это правильным?

— И поэтому. И потому что ты рядом. И потому что, если ты уедешь, я останусь в этой квартире совсем один, и я этого боюсь. Это к делу не относится. Но ты спросила.

Он никогда раньше не говорил ей такого. Слова вышли ровные, почти инженерные, и от этого — тяжелее.

— Вот это уже честнее, — сказала Анна тихо.

Он почувствовал укол.

— Я раньше врал?

— Нет. Просто вторую часть обычно прятал внутри первой. И я слушала первую.

Сергей хотел возразить. Не стал.

Поздно вечером Анна встала.

— Я всё равно не решила.

— Хорошо.

— Раньше к этому моменту у меня уже было бы решение.

— Моё?

Она надела куртку.

— Не знаю.

— Честно?

— Честно.

У двери остановилась.

— Пап.

— Да?

— Ты правда думаешь, что был плохим отцом?

Сергей посмотрел на неё — на серые с зеленью глаза Галины, на свои собственные руки, которые она унаследовала.

— Нет.

Анна кивнула.

— Я тоже.

— Тогда зачем всё это?

Она пожала плечами.

— Может быть, чтобы перестать отвечать на неправильный вопрос.

И ушла. Дверь щёлкнула, лифт увёз её вниз. Сергей долго стоял в прихожей, в наступившей полной тишине, слушая, как в квартире тикает то, что всегда тикало, и чего он обычно не слышал.

Потом пошёл к столу. Открыл верхний ящик. Достал карточку.

**ВЫ ХОРОШИЙ ОТЕЦ.**

Он перевернул её. На обратной стороне ничего не было. Он почему-то ожидал, что будет.

\* \* \*

Через два дня Анна позвонила.

— Есть минутка?

— Да.

— Я, кажется, решила.

Сергей почувствовал, как тело уже приготовилось к ответу — как рука перед тем, как поймать.

— И?

— Не скажу пока.

— Тогда зачем звонишь?

— Хочу проверить одну вещь.

— Какую?

— Что ты скажешь.

Он закрыл глаза.

— Смешно.

— Нет. Серьёзно.

— Анна.

— Я всё ещё сомневаюсь. И если ты сейчас скажешь «езжай», я, возможно, решу, что ты специально толкаешь меня в свободу. Если скажешь «останься», я решу, что тест был прав.

— Отличная система.

— Я знаю.

Они оба молчали. В трубке был слышен её город — далёкий гул, чужая улица под её окном.

— Так что мне делать? — спросила Анна.

Сергей знал ответ. Не абстрактно. Не «зависит». Знал. Остаться. Это было разумнее. Безопаснее. Финансово лучше. Карьерно не хуже. С научной точки зрения — спорно. Через три года могла появиться такая же возможность. А могла не появиться.

Он видел доводы. Мог разложить за пять минут. И знал, что если разложит — она послушает, и уедет домой, и через неделю останется, и это снова будет он, надевший на её выбор свою форму.

Анна ждала. Сергей услышал собственный голос заранее, готовый, разумный:

«Я ничего не решаю за тебя. Но если смотреть спокойно...»

Он почти произнёс. Слова уже были во рту, тёплые и привычные, как своё имя.

Вместо этого сказал:

— Не знаю.

Тишина.

— Ты?

— Я.

— Пап, серьёзно.

— Серьёзно.

— Ты же всегда знаешь.

— Вот именно.

Анна засмеялась. Потом затихла.

— И что мне теперь делать с тобой?

— Не знаю.

— Второй раз за минуту.

— Рекорд.

Они снова помолчали. И в этом молчании Сергей вдруг понял, чего оно ему стоит: не знать — при том, что он знал; держать язык за зубами не из мудрости, а против всей своей природы, всей выучки, всей любви, которая тридцать лет умела только одно — раскладывать и оберегать. Это было похоже на то, как отпускаешь деталь, которую держал слишком крепко, и она наконец встаёт на место сама.

Он хотел добавить: «Но если спросишь моё мнение...» Не добавил.

— Хочешь, — сказал он, — я просто послушаю?

На другом конце было тихо. Так тихо, что он слышал её дыхание за три тысячи километров.

Потом Анна сказала:

— Да.

И начала говорить.

А Сергей слушал — по-настоящему, ничего не считая, не готовя ни одного ответа, — и это оказалось самым трудным, что он делал за неё за всю жизнь.

### 3. День без свидетелей

В три минуты первого Кирилл Мартынов проснулся от вибрации телефона.

Он не сразу понял, что именно разбудило. Телефон полз по тумбочке короткими толчками, задевая стакан с водой, и стекло тонко звенело в темноте. На экране было системное уведомление, которое он видел у других людей десятки раз и ни разу — у себя.

**НАЧАЛСЯ ВАШ ДЕНЬ НУЛЕВОЙ АТТРИБУЦИИ.**

**Окончание: 24:00.**

Ниже — знакомая памятка.

**В течение периода окружающие воспринимают вас и ваши действия обычным образом. После завершения периода причинная атрибуция ваших действий в памяти других лиц станет нестабильной.**

Ещё ниже, мелко:

**Юридически значимые события фиксируются сертифицированными автоматическими системами. День нулевой атрибуции не освобождает от ответственности.**

Кирилл прочитал два раза. Потом третий. Свет экрана резал глаза, и цифры плыли.

В комнате было темно. Пахло остывшей квартирой и вчерашним ужином, который он поленился убрать. На соседней подушке никого не было уже два года, и это почему-то показалось удобным. Не нужно будить. Не нужно объяснять.

Он сел на кровати, спустил ноги на холодный пол.

У каждого нулевой день случался один раз после тридцати. У кого-то в тридцать один. У кого-то в шестьдесят. У его бывшей жены был три года назад. Она провела его дома, заказала пиццу и потом сказала:

— Я не хочу узнавать, кем окажусь, если мне дадут день без последствий.

Кирилл тогда поправил:

— Последствия остаются.

— Ты понял.

Он понимал. Сейчас — ещё лучше.

В школьных памятках детям объясняли просто: человека никто не забывает, событие никто не забывает, но после полуночи люди перестают устойчиво помнить, **кто именно это сделал**, если сделал человек в свой нулевой день.

Можно помнить: Кирилл был в комнате. Можно помнить: в комнате кто-то разбил чашку. И не уметь удержать: чашку разбил Кирилл. Записи тоже не возвращали устойчивого авторства: лицо и действие можно было увидеть, но связь между ними снова начинала распадаться, как узел на мокрой леске.

Кирилл открыл контакты. Просто чтобы смотреть на имена.

Первым в голове возник Леонид Павлович Грачёв. Даже не бывшая жена. Не сосед сверху, который четыре года сверлил по воскресеньям. Не двоюродный брат, занявший деньги и переставший звонить.

Грачёв.

Кирилл почти улыбнулся в темноту. Конечно.

Он лёг обратно. Закрыв глаза. Через минуту открыл. За окном горел один жёлтый фонарь, и по потолку медленно ходила тень голой ветки. Спать уже не хотелось.

\* \* \*

Утром он решил проверить не правило — правило проверили миллионы людей до него, — а ощущение.

В кофейне перед офисом пахло горячим молоком и жжёным сахаром, шипела паровая трубка. Впереди стояла женщина с ребёнком. Ребёнок долго выбирал между булкой с корицей и шоколадным круассаном, привставая на носки, чтобы заглянуть за стекло витрины.

Женщина сказала:

— Один.

— Тогда круассан.

Через секунду:

— Нет, булку.

Бариста ждал, держа щипцы. Кирилл обычно раздражался бы. Сегодня смотрел.

Когда женщина достала телефон, терминал дважды коротко пискнул и отклонил оплату. Она покраснела пятнами.

— Простите, секунду.

Очередь сзади зашевелилась, кто-то вздохнул. Кирилл сказал бариста:

— Добавьте к моему.

Женщина повернулась.

— Не надо.

— Уже добавили.

— Я переведу.

— Не надо.

Она посмотрела так, будто он совершил что-то большее, чем оплатил завтрак.

— Спасибо.

Ребёнок держал булку двумя руками, как держат что-то живое. Кирилл кивнул.

Пока они были рядом, женщина знала: заплатил он. Вечером тоже будет знать. Завтра, если встретит его, вспомнит мужчину из кофейни. Вспомнит, что кто-то оплатил заказ. Но соединить эти два факта не сможет.

Кирилл сел у окна, обхватив тёплый стакан ладонями. Странное чувство. Не благородство. Скорее незавершённость. Обычно даже самый маленький поступок сразу становился частью отношений: человек смотрел иначе, улыбался, мог узнать потом. Сегодня всё это было временным. Как надпись на запотевшем стекле, которая держится ровно столько, сколько до неё дышат.

Кирилл подумал:

**значит, можно говорить что угодно.**

И посмотрел на часы. До планёрки оставалось двадцать минут.

\* \* \*

Грачёв начинал утренние совещания одинаково.

— Коллеги, коротко.

После этого говорил сорок минут.

Сегодня на экране был проект модернизации линии на «Северном». Кирилл вёл его восемь месяцев. Точнее, его группа вела. Он лично придумал схему резервирования контроллеров, из-за которой удалось снизить простой при отказе одного узла. Решение было не гениальным. Просто хорошим. Он помнил вечер, когда оно пришло, — стоял с чаем у доски, и линии вдруг сошлись сами.

На прошлой неделе Грачёв представлял проект директору дивизиона. Кирилла на встречу не взяли.

— Там политика, — сказал Грачёв. — Не твой уровень боли.

Сегодня он рассказывал команде итоги, и переговорная слушала вполуха, глядя в ноут-буки.

— В целом решение приняли хорошо. Особенно резервирование. Я изначально настаивал, что нельзя строить на одном канале.

Кирилл поднял глаза. Никто не посмотрел на него. Не потому что не знали. Знали. Но так происходило всегда.

Когда Грачёв говорил «я настаивал», это значило: он защищал решение наверху. Не обязательно придумал. Технически ложью это не было. Именно поэтому бесило сильнее — не за что было ухватиться, всё было гладко и слегка мимо.

— Кирилл, — сказал Грачёв, — по срокам что?

— Успеваем.

— Риски?

— Подрядчик по шкафам.

— Я вчера с ними говорил.

— После моего письма.

Грачёв посмотрел.

— После твоего письма.

Он помолчал.

— Ещё?

— Нет.

Совещание продолжилось. Кирилл слушал вполуха и чувствовал в кармане тяжесть телефона, как чувствуют в кармане ключ от двери, которую давно хотели открыть.

Нулевой день. В двенадцать часов ночи Грачёв будет помнить совещание. Будет помнить, что Кирилл сидел справа от окна. Будет помнить решение по резервированию. Но всё, что Кирилл сделает сегодня, начнёт отлипать от его имени.

Редкая свобода.

После совещания Кирилл не ушёл. Люди разошлись, унося ноутбуки и остывший кофе. Грачёв собирал бумаги.

— Что-то ещё?

— Да.

— Слушаю.

Кирилл закрыл дверь. Замок щёлкнул громче, чем он рассчитывал. Грачёв заметил это.

— Торжественно.

— Я хотел поговорить про авторство.

— Чего?

— Решений.

Грачёв положил папку.

— Хорошо.

Кирилл ожидал раздражения. Его не было. Это чуть сбило.

— Вы сегодня сказали, что изначально настаивали на резервировании.

— Да.

— Это решение предложил я.

— Кирилл, я знаю.

— Директор — нет.

— Директор знает, что проект делала группа.

— Он знает, что вы его принесли.

— Потому что я его принёс.

— И награду получите вы.

Грачёв вздохнул, и в этом вздохе была усталость, которую Кирилл раньше не замечал.

— Какую награду?

— Неважно.

— Нет, подожди. Ты пришёл говорить — говори.

Кирилл сел. Грачёв остался стоять у окна, спиной к серому свету.

— Это не один проект.

— Я понимаю.

— Пять лет одно и то же. Когда ошибка — «мы недоработали». Когда получилось — «я предложил», «я продал», «я договорился».

— Иногда я действительно предлагаю, продавливаю и договариваюсь.

— Не спорю.

— Тогда?

— Тогда рядом с вами любой успех в конце концов становится вашим.

Грачёв посмотрел долго.

— Вот это уже разговор.

Кирилл ожидал защиты. Получил другое.

— Знаешь, что происходит наверху, когда ваш хороший технический проект начинает буксовать? — спросил Грачёв. — Туда не зовут тебя.

— Знаю.

— И кто идёт?

— Вы.

— Кто обещает сроки, за которые потом вы меня ненавидите?

— Вы.

— Кто объясняет финансовому, почему шкаф дороже?

— Вы.

— Кто получает по голове, когда подрядчик срывает поставку?

— Вы.

— Вот. А когда всё получилось, ты хочешь, чтобы я вышел и сказал: «вообще-то меня здесь почти не было».

— Я хочу, чтобы вы назвали людей.

— Называю.

— После себя.

Грачёв качнул головой.

— Это уже психология.

— Нет. Это привычка.

— Возможно.

Ответ оказался слишком спокойным. Кириллу хотелось сопротивления. Хотелось, чтобы Грачёв наконец показал себя тем человеком, которого Кирилл пять лет носил в голове и тихо ненавидел по дороге домой.

— Вам нравится, когда без вас ничего не происходит, — сказал Кирилл.

— Не особенно.

— Нравится.

— Хорошо. Допустим.

— Вы поэтому и держитесь за чужую работу.

Грачёв нахмурился. Кирилл уже мог остановиться. Главное сказал. Претензия стояла между ними — живая, настоящая. Но нулевой день как будто толкал дальше. Не потому что заставлял. Потому что завтра автор исчезнет, и слова эти повиснут в воздухе ничьими, а значит, ничего не стоят, а значит — можно.

— Без неё давно было бы видно, насколько вы сами пусты.

Тишина. Где-то за стеной приглушённо звонил телефон.

Сразу после фразы Кирилл понял: это не правда. Не в том смысле, что Грачёв не был пуст. А в том, что Кирилл не мог этого знать. Фраза была не выводом. Она была оружием, и он бросил её, зная, что оружие не оставит отпечатков.

Грачёв медленно сел.

— Вот теперь понятно.

— Что?

— Ты пришёл не поговорить.

Кирилл ничего не сказал.

— Тебе надо было сделать больно.

— Я сказал, что думаю.

— Первую половину — да.

Грачёв отвернулся к окну.

— Вторая была для удовольствия.

Кирилл почувствовал злость. Потому что Грачёв снова оказался точнее, чем хотелось.

— Вы можете считать как угодно.

— Могу.

— Я закончил.

— Нет.

Кирилл посмотрел.

— Если считаешь, что я присваиваю твою работу, завтра приходи и скажи ещё раз.

Сердце у Кирилла дёрнулось. Грачёв не мог знать. О нулевом дне коллегам не сообщали.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня ты говоришь так, будто уверен, что ничего не будет.

Кирилл застыл. Грачёв поднял папку.

— Не знаю, что у тебя случилось. Но разговор закончен.

Кирилл вышел. В коридоре было тихо, гудели лампы. И впервые с утра нулевой день не ощущался подарком.

\* \* \*

До обеда Грачёв никому ничего не сказал. По крайней мере, Кирилл не заметил. Работа шла обычно. Подрядчик прислал новые сроки. Надежда из смежной группы принесла расчёт. Савченко сломал формулу в таблице и полчаса доказывал, что так было.

Кирилл отвечал. Решал. Подписывал. В какой-то момент поймал себя на мысли: всё, что он делает сегодня, завтра перестанет прикрепляться к нему. Исправленный расчёт останется. Письма останутся. Люди будут помнить, что Кирилл был на работе. Но если спросить, кто исправил формулу, кто согласовал срок, кто принёс решение — связь поплывёт.

Раньше эта мысль казалась бы ужасной. Сегодня уже не казалась ни свободой, ни ужасом. Просто странностью, с которой он ходил, как с камешком в ботинке.

После обеда Надежда остановилась у его стола, держа кружку с остывшим чаем.

— Ты с Леонидом Павловичем ругался?

— Почему?

— Он какой-то... тихий.

— Разговаривали.

— О чём?

Кирилл посмотрел на неё. Можно было сказать. Завтра она всё равно не удержит авторство разговора.

— О работе.

— Ясно.

Она ушла. Кирилл понял, что не хочет рассказывать. Не из осторожности. Потому что сказанное вслух второй раз уже звучало бы хуже.

\* \* \*

В половине шестого он собирался уходить. Грачёв вышел из кабинета с курткой на руке. Обычно уходил позже. Сегодня выглядел старше — так, будто утренний разговор что-то в

нём пригасил. Кирилл заметил это и тут же разозлился на себя. Нечего было превращать одну жестокую фразу в трагедию.

Грачёв прошёл мимо. Не посмотрел.

Через минуту Кирилл тоже вышел. Лифт долго не ехал — над дверью горела цифра восемь и не двигалась. Он пошёл по лестнице.

На площадке между четвёртым и третьим этажом лежала папка. Ещё ниже — телефон. Кирилл сначала подумал, что кто-то уронил.

Потом увидел Грачёва.

Тот сидел у стены, привалившись к бетону. Одна рука странно прижата к груди. Лицо серое, в испарине.

— Леонид Павлович?

Грачёв поднял глаза. Попытался сказать что-то. Не получилось — только шевельнулись губы.

Кирилл спустился бегом, перескакивая ступени.

— Боль в груди?

Грачёв кивнул. Потом тело обмякло, голова качнулась вбок.

— Леонид Павлович.

Никакой реакции. Кирилл опустился рядом на колени, на холодный бетон.

На курсах первой помощи два года назад инструктор говорил:

**не трать время на красивую диагностику. Проверил сознание. Дыхание. Вызов. Компрессии.**

Кирилл запрокинул ему голову, наклонился к лицу. Дыхания нормального не было. Редкие, тянущие хрипы, страшные тем, что были похожи на дыхание и не были им.

— Помогите! — крикнул он вниз, и голос гулко ударился о лестничные пролёты.

Достал телефон. Пальцы не слушались. 112. Поставил на громкую связь, положил на ступеньку.

— Мужчина, пятьдесят восемь, потеря сознания, нет нормального дыхания. Офисный центр, Промышленная, двенадцать...

Диспетчер что-то говорила ровным голосом. Кирилл уже не слушал. Он расстегнул Грачёву рубашку — пуговица отлетела, простучала вниз по ступеням, — положил ладони на центр груди, одна поверх другой, локти прямые.

Начал компрессии.

Тридцать. Не считал вслух сначала. Потом начал, чтобы держать ритм.

Грудная клетка под руками двигалась страшно и неправильно, подавалась глубже, чем ждёшь, и что-то в ней похрустывало под ладонями. Он знал, что может сломать рёбра. Инструктор говорил:

**сломанные рёбра лучше мёртвого сердца.**

Давил. Пот выступил на спине, потёк.

— Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять...

На площадке появилась Надежда, задохнувшаяся от бега.

— Что случилось?

— Дефибриллятор у охраны. Беги. И скажи, чтобы встретили скорую.

Она побежала, каблуки застучали вниз. Кирилл давил. Плечи начали гореть от лопаток к шее, руки наливались чужой тяжестью. Он давил на счёт, чувствуя под собой чужое сердце, которое молчало.

Пришёл кто-то сверху. Савченко, бледный.

— Что делать?

— Сменишь меня через минуту. Смотри руки.

— Я не умею.

— Будешь уметь.

Кирилл продолжал. Пот заливал глаза, он мотал головой, чтобы стряхнуть. Мир сузился до квадрата чужой груди под ладонями и до счёта.

Надежда вернулась с красным футляром, дыша ртом.

— Включай.

Дефибриллятор заговорил механическим голосом, спокойным и бесчеловечным среди всего этого. Они рванули рубашку, наклеили холодные электроды на серую кожу.

— Всем отойти.

Кирилл поднял руки, отстранился. Разряд. Тело Грачёва дёрнулось всё целиком, как от толчка изнутри.

— Продолжить компрессии.

Кирилл снова навалился, снова начал.

Скорая приехала, по ощущениям, через час. По часам — через девять минут. Двое в синем отодвинули Кирилла плечом, деловито и мягко. Другой подключил монитор.

— Кто начал?

— Я, — сказал Кирилл. Голос был чужой, сорванный.

— Сколько без сознания до компрессий?

— Почти сразу начал. Секунд двадцать, тридцать.

— Разряд был?

— Один.

— Хорошо.

И только тогда Кирилл сел на ступеньку, привалившись к перилам. Руки дрожали крупно, неудержимо, и в них ещё жила память чужой грудной клетки. Ладони были красными.

Надежда стояла рядом. На её блузке было тёмное пятно от пыли с лестницы, и прядь прилипла к мокрому виску.

— Ты как?

— Нормально.

— Ты ему жизнь спас.

— Не начинай.

— Я серьёзно.

Фельдшер обернулся через плечо:

— Рано говорить, но сделали всё правильно.

Грачёва переложили на носилки, унесли, и лестница вдруг стала очень тихой и очень пустой. На ступеньке остался открытый футляр дефибриллятора с содранной обёрткой электродов. И папка.

Кирилл поднял папку. Руки всё ещё дрожали, и бумага мелко тряслась. На первой странице был проект «Северный». На полях почерком Грачёва:

**резервирование — решение Мартынова. Отдельно отметить на защите.**

Кирилл смотрел на эти слова долго. Потом закрыл папку.

— Что там? — спросила Надежда.

— Ничего.

И впервые за весь день это слово действительно ничего не объясняло.

\* \* \*

Через сорок минут отдел уже знал. Не диагноз. Факт. Леонид Павлович в реанимации, состояние тяжёлое, но стабильное.

Секретарь Грачёва разговаривала с его женой, прижав трубку плечом и вытирая глаза. Директор дивизиона спустился на этаж. Кто-то принёс воду в пластиковом стакане. Кто-то предложил Кириллу вызвать такси.

— Я сам.

— У тебя руки трясутся.

— Уже нет.

Тряслись. Он спрятал их в карманы.

Надежда стояла рядом.

— Ты понимаешь, если бы ты пошёл лифтом...

— Не начинай.

— Что?

— Вот это всё.

— Что «всё»?

Она смотрела совершенно искренне. Пока ещё. До полуночи оставалось шесть часов.

Пока она знала. Знала: Кирилл первым увидел Грачёва. Кирилл проверил дыхание. Кирилл начал компрессии. Кирилл отправил её за дефибриллятором.

К завтрашнему утру останется лестница. Приступ. Красный футляр. Скорая. Но имя начнёт выпадать из этой картины, как выпадает слово, которое вертится на языке и не даётся.

Кирилл вдруг почувствовал злость. Не на феномен. На время.

— Ты чего? — спросила Надежда.

— Ничего.

— Точно?

— Да.

Она обняла его — коротко, крепко. Обычно они так не делали. От её волос пахло тем же офисным кофе, что и от всех. Кирилл стоял, не двигаясь, опустив руки, и думал:

**это тоже исчезнет.**

Нет. Объятие она запомнит. Просто не сможет устойчиво вспомнить, почему именно обняла его. От этого стало ещё страннее — будто он уже сейчас, живой и стоящий здесь, начал становиться пустым местом в чужой памяти.

\* \* \*

В восемь вечера позвонила жена Грачёва. Кирилл видел её дважды на корпоративных мероприятиях — маленькая, с прямой спиной.

— Кирилл Сергеевич?

— Да.

Голос дрожал.

— Мне сказали, вы были там.

— Был.

— Врачи говорят, что первые минуты очень важны.

Кирилл закрыл глаза, сел на кухонный табурет.

— Да.

— Я не знаю, что сказать.

Он мог помочь ей. Сказать: **это сделал я**. Пока ещё правда удерживалась, ещё три с половиной часа.

— Ничего не надо говорить.

— Спасибо.

Одно слово. Обычное. Кирилл слышал благодарность и уже знал её срок годности. Не сама благодарность исчезнет. Женщина будет помнить, что благодарила кого-то, может быть, даже помнить этот разговор. Но причина перестанет крепиться к нему.

— Как он? — спросил Кирилл.

— Пока без сознания. Но сердце работает само.

— Хорошо.

— Если бы не вы...

Она замолчала. Кирилл тоже.

— Я завтра позвоню, — сказала она.

— Хорошо.

После разговора он посмотрел на время. 20:14. Три часа сорок шесть минут.

Телефон был полон сообщений.

**Ты зверь.**

**Если бы не ты, страшно подумать.**

**Нам всем надо обновить первую помощь.**

**Спасибо.**

**Грачёв обязан тебе премию теперь :)**

Последнее написал Савченко. Кирилл прочитал и вдруг захотел сделать скриншоты. Мысль показалась жалкой. Потом — нормальной.

Он сделал. Нулевой день не запрещал самому помнить. После полуночи Кирилл всё равно будет знать, кому принадлежали оба главных поступка этого дня. Жестокие слова. И компрессии на лестнице. Обе тяжести — его, и никто не разделит с ним ни одну.

\* \* \*

Домой Кирилл приехал в десять. Есть не хотелось. Он поставил чайник и долго стоял над ним, слушая, как тот набирает голос.

Открыл рабочую папку Грачёва, которую случайно увёз с собой. На первой странице всё ещё была запись:

**резервирование — решение Мартынова. Отдельно отметить на защите.**

Кирилл провёл пальцем по строчке. Чернила чуть смазались от его влажного пальца.

Может быть, Грачёв действительно собирался назвать. Может быть, написал после утреннего разговора. Почерк был той же ручкой, которой тот пользовался весь день. Определить время невозможно.

Это раздражало. Если до разговора — Кирилл пять лет носил в голове человека хуже реального. Если после — значит, разговор сработал. Но какая его часть? Претензия? Оскорбление? Фраза про пустоту? Нельзя было узнать. А через два часа даже Грачёв не сможет вспомнить, кто именно всё это сказал.

Кирилл открыл чат с Надеждой. Она написала:

*Доехал?*

*Да.*

*Я серьёзно: сегодня ты сделал очень большое дело.*

Он набрал:

*Завтра ты не будешь помнить, что это был я.*

Долго смотрел на эти буквы в светящемся окне. Стёр. Она и так знала, что у людей бывают нулевые дни. Но не знала, что сегодня был его. Можно было сказать сейчас — тогда она до полуночи знала бы ещё и это. После — нет.

Кирилл решил не говорить. Не из тайны. Просто устал.

\* \* \*

В 23:41 позвонил директор дивизиона.

— Кирилл, есть хорошие новости. Леонид Павлович пришёл в сознание.

Кирилл встал.

— Нормально?

— Пока врачи осторожничают, но говорит, узнаёт жену. Инфаркт, аритмия. В общем, повезло.

— Хорошо.

— И тебе спасибо.

Снова.

— Не мне одному. Надежда дефибриллятор принесла, Савченко меня менял.

— Я знаю. Но начал ты.

Кирилл посмотрел на часы. 23:42.

— Слушай, — продолжил директор, — я понимаю, сейчас не время, но это должно быть отмечено. Завтра свяжемся.

Кирилл почти засмеялся.

— Конечно.

— Ты чего?

— Да так.

— Отдыхай.

23:43. Семнадцать минут.

Кирилл открыл системное приложение. Там шёл обычный таймер, белые цифры на чёрном.

**00:16:51**

**После окончания периода эффекты атрибутивной нестабильности могут проявляться в течение нескольких минут.**

Он вспомнил, как люди устраивали вечеринки перед окончанием своего дня. Снимали видео. Писали на руках маркером:

**ЭТО СДЕЛАЛ Я.**

Наутро надпись можно было прочесть. Понять. И всё равно через несколько минут причинная связь снова становилась скользкой. Один блогер десять лет назад пытался превратить нулевой день в рекламу: провёл двадцать четыре часа в прямом эфире. На следующий день у миллионов зрителей осталась уверенность, что они смотрели трансляцию. Но вопрос — **что именно сделал ведущий?** — расплзался у всех одинаково. Самый дорогой рекламный провал десятилетия.

Кирилл смотрел на таймер. Цифры сменялись беззвучно.

00:04:12.

Он открыл сообщения благодарности. Не для того, чтобы сохранить. Просто читал.

**Ты ему жизнь спас.**

**Спасибо.**

**Ты молодец.**

00:01:03.

Кирилл почувствовал то, чего не ожидал. Не гордость. Жалость. К самому себе.

Он хотел, чтобы это осталось. Хотел завтра прийти и увидеть, что Надежда смотрит на него так же. Хотел, чтобы жена Грачёва знала. Хотел, чтобы директор помнил. Хотел — и не видел в этом ничего постыдного. Ему было сорок, он приходил в пустую квартиру, и то, что сегодня чужие руки обняли его на лестнице, а чужой голос сказал «если бы не вы», было едва ли не всем теплом за последние два года. И это отбирали.

00:00:08. Семь. Шесть. Пять.

Кирилл выключил экран до нуля. Не хотел смотреть, как это произойдёт с цифрами.

Чайник на кухне давно остыл. За окном горел тот же фонарь. Полночь прошла без звука.

\* \* \*

Утром первое сообщение было от Надежды.

*Как ты?*

Кирилл ответил:

*Нормально.*

Она:

*Я после вчерашнего вообще не спала.*

Он набрал:

*После чего именно?*

Стёр.

В офис приехал в девять. Надежда уже была там, с двумя стаканами кофе, и один молча поставила ему на стол.

— Привет.

— Привет.

Она посмотрела странно. Не как вчера. Но и не обычно.

— Ты же вчера был на лестнице?

— Был.

— Когда Леонид Павлович...

— Да.

— Слушай, у меня какая-то дыра. Кто начал реанимацию?

Вот оно. Кирилл знал, что вопрос прозвучит. Всё равно тело отреагировало — коротким холодком под рёбрами.

— Не помнишь?

— Помню всё. Почти.

Она нахмурилась, потёрла лоб.

— Я помню, что побежала за дефибриллятором. Помню Савченко. Помню скорую. Помню тебя на лестнице.

— И?

— И не могу... — она щёлкнула пальцами. — Дурацкое чувство. Как будто имя на языке.

— Нулевой день у кого-то был.

Надежда сразу поняла. Лицо её разгладилось.

— Точно.

Это объяснение общество принимало быстро. Без мистики. Без паники.

— У кого?

Кирилл посмотрел на неё.

— Если бы знали, не был бы нулевой.

— Логично.

Она села, обхватив стакан.

— Но человек всё сделал правильно.

— Да.

— Надо бы как-то...

Она не закончила. Как поблагодарить того, кому благодарность не прикрепляется?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.